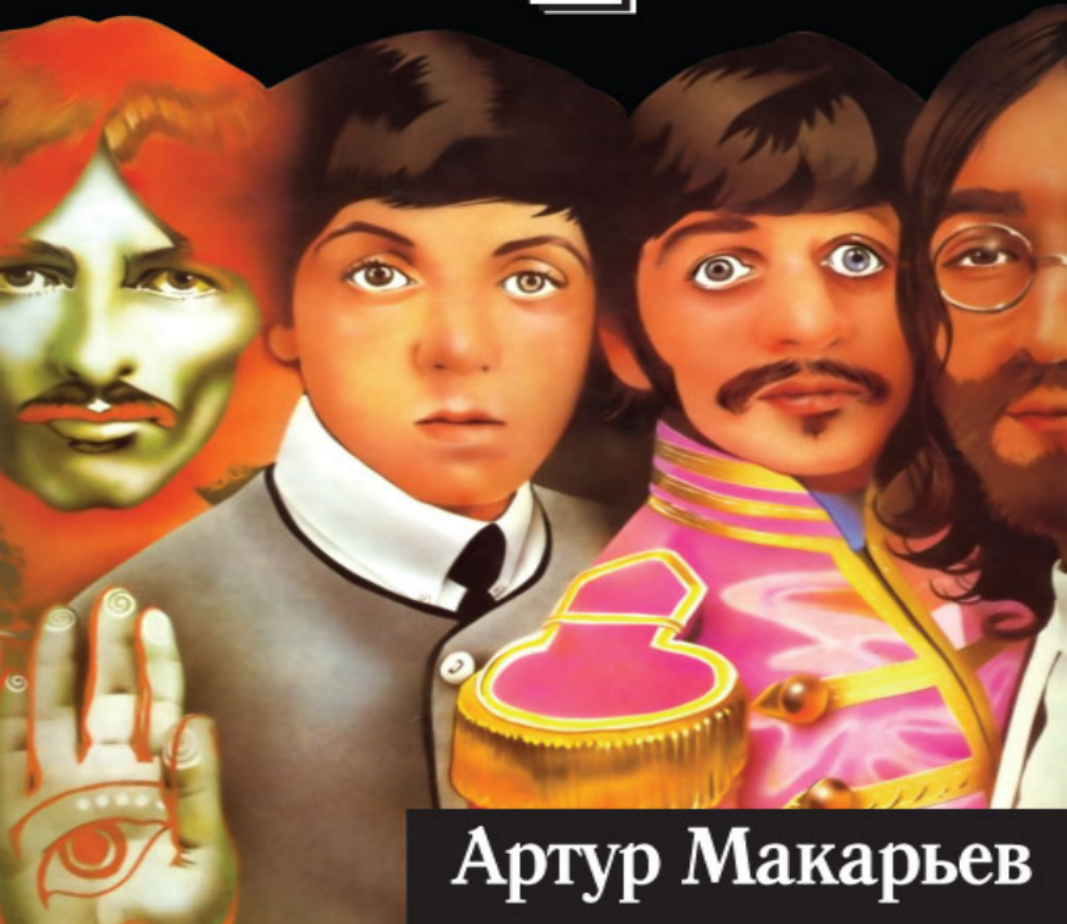

БИТЛЗ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Артур Макарьев

Annotation

Тот, кто сможет понять феномен популярности «Битлз», откроет главный секрет успеха и яркой славы. Однако для этого нужно погрузиться в эпоху, когда «The Beatles» играючи взорвали мир. На страницах книги воссоздается появление «битломании» буквально в лицах, чувствах и поступках людей, ослепленных славой «великой четверки». Ее автор, знаменитый радиоведущий Артур Макарьев, более сорока лет назад стал одним из первых отечественных «битломанов». Четыре десятилетия изучения западной музыки, и прежде всего «Битлз», улеглись в живую и увлекательную книгу. Читатель также станет свидетелем зарождения рок-музыки и коммерческой поп-музыки в нашей стране.

- Артур Макарьев

- Нью-Йорк. 8 декабря 1980 года. 72-я улица
- Англия. Ливерпуль. 31 декабря 1961 года, 8.30 утра
- СССР. Москва. Конец января 1964 года
- 1964 год, июль, Москва, Неглинная улица. Магазин музыкальных товаров
- Июль 1965 года. Москва
- 12 февраля 1965 года. Лондон
- Москва. 15 декабря 1965 года. Кабинет министра культуры
- 1966 год, сентябрь, ул. Горького. Кафе «Молодежное»
- Сентябрь, 1966 год. Кабинет заведомо культуры ЦК КПСС
- Москва, январь 1967 года. Станция метро «Охотный Ряд»
- Москва. Начало февраля 1967 года
- Москва. Ул. Куйбышева. Министерство культуры СССР. Октябрь 1967 года
- Москва. Апрель 1968 года. Кабинет министра культуры СССР
- Москва. Ноябрь 1968 года
- Лондон. 1969 год
- Москва. Февраль 1969 года
- Англия. Лондон. 1969 год
- Лондон. Русский отдел британской разведки МИ-6. Июль 1969 года
- Москва. Середина сентября 1969 года. Джазовый клуб «Печора», пр-т Калинина

- Лондон. Паб «Британика». Район Кенсингтон. Июль 1971 года
- Москва. Август 1972 года
- Лондон. Оксфорд-стрит. Март 1973 года
- Лондон. Май 1974 года
- Москва. Июнь 1974 года
- Лондон. 1974 год
- Москва. Май 1975 года
- Лондон. Би-би-си. Русская служба. Июль 1976 года
- Москва. Июль 1976 года
- Октябрь 1978 года. Эль-Маади, пригород Каира
- Москва. Апрель 1983 года. ДК «Силовик»
- Москва. Октябрь 1983 года
- Москва. Январь 2006 года

Артур Макарьев

БИТЛЗ: СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

*Автор и издательство
выражают благодарность Валерию
Протасову за помощь в издании книги*

Нью-Йорк. 8 декабря 1980 года. 72-я улица

С утра мокрый снег с дождем парализовал город. Машины еле двигались. День близился к вечеру. На углу 72-й большое желтое нью-йоркское такси остановилось забрать пассажира — вашингтонского адвоката Тома Спрингфилда. Таксист с сильным неамериканским акцентом выяснил, куда ехать, включил счетчик, тронулся еле-еле: пробка обступила его такси со всех сторон.

Бывший гражданин СССР, грузин Ромаз Джанашвили не владел пока еще всеми тонкостями английского языка, чтобы грамотно обругать пробку, в очередной раз выругался по-грузински, когда его машина оказалась прижата к тротуару.

— Господи, — сказал адвокат, — что он делает? Он убил его.

Рядом с их машиной на тротуар падал человек.

— Он убил Джона Леннона, — выдохнул адвокат.

Все машины сразу встали, люди стали выскакивать на улицу, у всех шок. Убийца куда и не бежал, его обезоружил Дакота Хаус, охранник дома, где жил Леннон.

Вдова покойного опустилась на колени. В эти минуты из безжизненного тела уходил дух «Битлз», дух 60-х, уходило все то, ради чего она развалила эту великую группу. Джанашвили, не связанный никакими чувствами к «Битлз» и Джону Леннону, боящийся попасть в Нью-Йорке в какую-нибудь неприятность, побежал вызывать полицию и «скорую помощь», на ходу пытаясь сообразить, как объяснить по-английски, в кого, собственно, стреляли.

Англия. Ливерпуль. 31 декабря 1961 года, 8.30 утра

Участники одной из многочисленных ливерпульских групп «The Beatles» Джон Леннон, Джордж Харрисон, Пол Маккартни и ударник Пит Бест, вместе с администратором Нилом Аспиналом загрузили инструменты и выдавшие виды усилители в небольшой фургон «бэдфорд». Через 10 часов, пробираясь сквозь снег с дождем, они добрались до Лондона, где завтра, 1 января 1962 года в студиях «Decca Records» была назначена пробная демонстрационная запись. Менеджер группы Брайн Эпштейн уехал в Лондон накануне поездом. Путешествуя из Ливерпуля в Лондон на потрепанном фургоне, «Битлз» переговаривали обо всем, что, как им казалось, могло их ожидать в ближайшем будущем. Но они никак не могли предположить, что «Decca Records» откажет им в контракте и записи пластинок, а мало кому известная фирма «Парлафон», никогда не записывавшая рок- и бит-музыкантов, в лице продюсера Джорджа Мартина, предложив «Битлз» сменить ударника, предложит и контракт на запись нескольких пластинок. Через два года, в январе 1964-го, «Битлз» станут самой популярной группой на необъятных просторах нашей планеты, а 31 декабря 1961 года в гостинице «Роял», что рядом с Рассел-сквер, четыре музыканта ливерпульской группы «Битлз», их администратор и менеджер, встретив в 12 часов новый 1962 год, отправились спать, возложив большие надежды на наступивший год.

СССР. Москва. Конец января 1964 года

Выключив назойливый будильник ровно в 6 утра, министр культуры СССР поднялась с постели, прихватила халат и пошла умываться. Где-то в начале 7-го, приведя себя в порядок, с чашкой кофе прошла в столовую, где домработница уже приготовила завтрак со свежееиспеченными пирожками и булочками. На журнальном столике рядом с проигрывателем лежали пластинки. Накануне вечером и далеко за полночь падчерица праздновала день рождения. Шумели, танцевали. Что-то там, рядом с проигрывателем, привлекло ее внимание. Поставила чашку на стол, подошла ближе к журнальному столику. Три пластинки: одна — исполнителя твистов Чабби Чеккера и две... прочитала повнимательней: «Битлз». Черно-белая пластинка, плечевой портрет участников группы, ей даже понравилась, лихо подумала она. Открыла свой известный коричневый кожаный блокнот, тут же нашла карандаш и после вопросов к секретарю ЦК КПСС Козлову, к которому собиралась к 9.00, записала: «Битлз» — спросить у Хренникова». И что вы думаете? Спросила. Где-то около 3 часов дня позвонила Тихону Николаевичу Хренникову, председателю Союза композиторов СССР и спросила про «Битлз». Почувствовав подвох в вопросе министра, Тихон Николаевич, выдержав паузу, сказал:

— У нас зарубежной музыкой занимается Никита Владимирович Богословский. Он недавно был в Париже, так что наверняка в курсе. Я скажу, чтобы он вам перезвонил.

Почувствовав холодность тона Хренникова, министр взяла себя в руки и сказала:

— Ну уж сделайте одолжение. Большое спасибо! — И повесила трубку.

Действительно, а что Хренникову до министра культуры? Он Сталина пережил, а тут... Пожал плечами, вызвала секретаршу и попросила соединить с Богословским.

* * *

— Никита Владимирович, мне сейчас звонила министр культуры, спрашивала, — посмотрел на календарь, где успел записать слово, — про «Битлз», знаешь чего-нибудь?

— Знаю, — ответил Никита Владимирович, — слушал их в «Олимпии».

— Понятно, а это что? — спросил Хренников.

— Это ансамбль, — ответил Богословский, — четыре молодых англичанина, хорошо поют и сами же играют на электрогитарах.

— Понятно, — сказал Тихон Николаевич, — позвони министру, а то не отстанет, ты же знаешь. Женщина она вьедливая. Потом расскажешь. Звони.

* * *

— Здравствуйте, Никита Владимирович, — приветствовала его министр культуры, — расскажите мне о «Битлз». Вы же видели их?

— Да, 18 января в Париже, в «Олимпии». Друзья, французские композиторы, советовали сходить послушать.

Никита Владимирович сделал глубокий вдох. Он понимал, что сейчас от его ответа зависит судьба четырех молодых людей, понаравившихся ему в Париже.

— Да, в общем, хорошо, сами играют, сами поют свои собственные песни. Из Ливерпуля все четверо, из рабочих семей. В Англии они уже национальные герои. Королева была на их концерте. В основе музыки национальный колорит.

— Ну что же, — сказала министр культуры, — напишите о них. Я почитаю. Наверное, это можно будет опубликовать в «Литературной газете».

* * *

3 марта 1964 года где-то около 4 часов дня мать московского школьника Саши Маркова, редактор издательства «Высшая школа», после того, как сын, ученик 11-го, выпускного, класса, придя из школы, переоделся и пообедал, достал свои пластинки и поставил на проигрыватель пластинку «Битлз», протянула ему сегодняшнюю «Литератур-ку» и сказала:

— Чуть не забыла. Сегодня в «Литературке» написали про твоих «Битлз».

Саша глазами впился в статью, прочитал заглавие: «Из жизни «Пчел» и «Навозных жуков», об английском эстрадном ансамбле «Битлз» («Жуки»)». Посмотрел, кто автор — композитор Никита Богословский. Статья в основном была об американских

гастролях «Битлз». Высказывались даже мысли, что группа долго не протянет, в Англии очень много подобных коллективов, а вкусы, как известно, на Западе, под давлением коварного шоу-бизнеса, меняются быстро. Ну, а так ребята вроде бы нормальные, жили и выросли в рабочих окраинах Ливерпуля. Специального музыкального образования у них нет. Поэтому в Англии и стали популярны, так как простым англичанам понятна их музыка. Оказывается, «Битлз» бросили вызов и королеве, которая пришла посмотреть их выступление, и они будто бы предложили ей в такт их музыке побренчать ее ювелирными украшениями. Но из этой статьи не было ясно, хорошо или плохо играют «Битлз». Маститый советский композитор Никита Богословский, написавший эту статью по материалам французской прессы, которые он получил от своих друзей, французских композиторов, не дал своей оценки музыкальному явлению под названием «Битлз», он побоялся их хвалить или ругать, чтобы не навредить.

Саша Марков стал возмущаться:

— Мам, они ведь здорово играют.

Мама, Нина Владимировна, еще раз прочитала статью, посмотрела на Сашу и сказала:

— Саш, хорошая статья. Считаю, что «Битлз» в нашей стране официально признаны. Раз такой уважаемый композитор, как Богословский, их не осудил и не предал анафеме, значит, все нормально. Потом, ребята — рабочие подростки, наши люди.

Саша все-таки попереживал, немного послушал «Битлз» и, пообещав матери, что уроки на завтра он сделает позже, вышел из дома в Гнездиновском переулке, где они жили, сел в троллейбус и поехал на Смоленскую площадь. До закрытия комиссионного магазина «Радио- и фототовары» оставалось 2 часа. Все основные спекулянты с товаром были в наличии. Саша поздоровался почти со всеми. Завидев его, подошел Слава, невысокий человечек в бобриковом пальто неизвестной свежести, с характерным для него алкогольным запахом. Правда, сегодня к запаху добавилась еще и икота.

— Пойдем, покажу, у меня есть для тебя волосатики. — Так Слава называл группы.

Отошли в сторону недалеко, прочь от лишних глаз. Во дворе стояла Славина «Победа». На ней он, правда, не ездил, его привозил и увозил брат жены, да и то, правда, куда ж за руль с таким запахом! В багажнике коричневой «Победы» были какие-то коробки и мятый чешский портфель из кожи молодого дерматина. Для Саши портфель казался бездонным. Пластинок там было много. Вот пластинка «Dave Clark Five», группы, которая выбила с первой позиции в английском хит-параде самих «Битлз».

В папке пластинок была и запечатанная новая «Роллинг стоунз». Саша посмотрел обложку, список песен, отложил. Пластинка была новой, в Англии только вышла. Слава порылся в других пластинках:

— Вот, смотри. Эта французенка хорошо поет.

На обложке крупными буквами: «Qlla Black». Саша посмотрел, где напечатано: «Odeon», Paris». Но почему французенка? Саша знал, что Cilla Black — это англичанка. Пластинка новая, очень популярная. Но это знал Саша, Слава же хотел избавиться от залежалого, как он считал, товара.

— Да кому она нужна, твоя французенка? — сказал Саша.

Но, в общем, сошлись. Две пластинки и соро-капятка «Битлз» «Can't buy me love» за 35 рублей. Слава икнул и согласился. Из газет, которые всегда были в багажнике у Славы, сделал пакет, заклеил скотчем, который покупал у спекулянтов здесь же, в комиссионном магазине.

* * *

Вечером 3 марта у Никиты Богословского были гости: Арно Бабаджанян, Марк Бернес, Ян Френкель. Сначала говорили о разном, слушали музыку, а затем вспомнили о статье в «Литературке». Бернес не читал, но в гостях просмотрел, снял очки и спросил:

— И чем это нам грозит? У тебя есть их пластинки?

У Богословского они, конечно, были. Черно-белую, с плечевым портретом, прослушали до конца, молча выпивая и закусывая, не перебивая.

— Ну и как они на сцене? — спросил Бабаджанян.

— Очень профессиональны, — ответил хозяин дома, — талантливые ребята. Главное, в «Олимпиаде» они выступали после звезд: Сильвии Вартан и Трини Лопеза. Сначала зал их встретил напряженно, ну а потом овации и истерика, особенно у молодежи, звучат на сцене так же, как и на пластинке.

Гости Богословского расходились далеко за полночь под впечатлением от отменного французского коньяка, а к «Битлз» решили присмотреться, что из всего этого у них получится.

* * *

Саша Марков, сделав уроки и прослушав пластинки, которые купил на Смоленке, уже как два часа спал в своей комнате в

густонаселенной московской коммуналке. Так закончился день 3 марта 1964 года, день, когда Страна Советов официально узнала о существовании «Битлз».

* * *

До рояля в своей квартире Никита Владимирович Богословский добрался на следующий день, 4 марта, часов около двух дня, с чашкой ароматного бразильского кофе, с рюмкой коньяка и бутербродом с черной икрой, прошелся пальцами по клавишам и вдруг поймал себя на том, что наигрывал песню «Битлз» с той самой черно-белой пластинки. Поняв это, заиграл уже уверенней. А что, талантливо написано! Остановился, отпил кофе, посмаковал и чуть пригубил коньяк. И кофе и коньяк отменного качества, привез из Парижа. Задумался. 18 января — день остался в памяти. После концерта в «Олимпии» с друзьями, французскими композиторами, прошел за кулисы. «Битлз» он видел минут 30, был даже представлен. Все только и говорили о песне «Битлз» «I want to hold your hand», которая достигла 1-го места в Америке. Американские журналисты, работающие в Париже, получили задание взять интервью у «Битлз». За кулисами было шумно, многолюдно. Никита Владимирович рассматривал «Битлз» издали, беседуя с друзьями, французскими композиторами, со «звездой» парижского варьете Сильвией Вартан и ее мужем, популярным певцом Джонни Холлидеем. Но разговор, так или иначе, крутился вокруг «Битлз». Рассказывали, что менеджер группы Брайн Эпштейн за два года из неопытных музыкантов, которых много в Ливерпуле, сделал «звезд». Группа очень популярна в Англии и Европе, а вот сейчас, похоже, будет популярна и в Америке. Костюмы им шьют лучшие портные Лондона, все — спецзаказ и специальный дизайн. Рубашки от известных модельеров, не дешевле чем 200 фунтов. Никита Владимирович внимательней взглянул на «Битлз», убедился: элегантные ребята, всё отличного качества.

Концерт кончился, все разъезжались. Но чувства, что столкнулся с чем-то выдающимся, у Богословского не было. Талантливые — да, звучат на сцене хорошо. Ему, конечно, нравилась более традиционная эстрада. Вот Сильвия Вартан или выступавший с ней американец Трини Лопез — это было понятно. «Битлз» же выделялись необычностью гитарного звучания, поражавшей слаженностью и отсутствием музыкальных ошибок. Из-за кулис «Олимпии» вся компания французских композиторов, друзей Никиты Владимировича, переместилась в уютный

ресторанчик на Елисейских Полях. Пригласили Сильвию Вартан с мужем и Трини Лопеза, который успел позвонить брату в Нью-Йорк. В Америке все сошли с ума. Даже на общественных туалетах можно найти наклейки «К нам едут «Битлз». Радиоэфир забит их песнями и интервью с ними. Все ждут их приезда 7 февраля и выступления в популярном телевизионном шоу Эда Салливана 9 февраля.

Долгоиграющие пластинки расходятся миллионными тиражами. Французы закивали головами — не первый день в шоу-бизнесе. Все сидящие за столом, кроме Богословского, понимали, что это значит — в Америке продавать долгоиграющие пластинки миллионными тиражами. Это очень большие деньги.

Бразильский кофе хорошо сочетался с французским коньяком. Воспоминания так же быстро закончились, как и начались. Надо было работать. К 4 часам должен был прийти поэт-песенник.

* * *

«Битлз» еще в Англии приучили себя выходить на сцену за минуту до начала выступления. В Нью-Йорке на свое первое телевизионное шоу в студии компании CBS бежали на сцену, когда ведущий Эд Салливан уже почти их объявил: «Дамы и господа, встречайте «Битлз»!» 5 секунд вставить штекер в гитару и дать отсчет: one, two, three, four — и 70 миллионов телезрителей Америки встретились с «Битлз». Америка восхищалась лучшей группой в мире, а ведь, действительно, только лучшая в мире, никакая другая не могла приехать и выступать с таким триумфом. Сработал гений менеджера Брайна Эпштейна. Это он из четырех провинциальных парней сделал предмет обожания и поклонения подростков во всех без исключения странах мира. Это он одел небрежных и неряшливых музыкантов в стильные костюмы и рубашки от лучших лондонских портных. Их манере одеваться подражали миллионы подростков: пиджаки, как у «Битлз», рубашки, как у «Битлз», сапоги, как у «Битлз». Можно посмотреть сотни фотографий ранних «Битлз» и не найти «Битлз» в джинсах, только в одеждах от дорогих портных. Почему их любили в Букингемском дворце? Почему к ним была благосклонна королева-мать, женщина, которая вряд ли подала бы руку простолыдину, которыми, в сущности, и были «Битлз»? Но они не выглядели, как выходцы из ливерпульских трущоб, у них был лоск лондонских денди, их научили говорить, двигаться, правильно есть в дорогих

ресторанах. Но это все скрывалось от прессы и, соответственно, от публики. На фотографиях они выглядели очень симпатично — свои ребята.

Для мира подростков, для их поклонников они были такими милыми, непосредственными, естественными.

Прилетев 22 февраля из Америки в Лондон, они на несколько дней исчезли из поля зрения прессы, отсыпались, отдыхали. 2 марта они уже были на съемочной площадке их первого фильма с условным названием «Битломания». Боссы компании «Юнайтед артистс» денег дали только на черно-белый фильм. Аргументы Брайна Эпштейна в пользу цветного фильма не принимались. В Англии свыше 2 тысяч групп. Фильм выйдет летом 64-го года. А где гарантии, что «Битлз» будут еще популярны? И что тогда делать с их фильмом? А действительно — что? 24 апреля фильм должен был быть завершен. 2 марта, в первый день съемок фильма, симпатичное личико фотомодели Пати Бойд, приглашенной для съемок в массовке, понравилось Джорджу Харрисону. Они познакомились. 3 марта, в день, когда страна Советов узнала о «Битлз», они записывали песни, затем снимались в фильме, где-то в 10 вечера разъехались по домам с надеждой выспаться. Страна Советов спала спокойно, абсолютно не беспокоясь, что там происходит в далекой Англии с Джоном Ленноном, Полом Маккартни, Ринго Старром и Джорджем Харрисоном, о которых многие даже и не знали.

Начиная со 2 марта и по 24 апреля «Битлз» записывают песни, снимаются в фильме, название которому 16 апреля придумал Ринго Старр, — «A hard day's night». За одну ночь написали и записали одноименную песню. 24 апреля — последний день съемок их первого, пусть и черно-белого, фильма «A hard day's night», на который они потратили 53 дня, включая и запись фонограмм. А 26 апреля они уже выступали в концерте лучших «звезд» Англии на стадионе Уэмбли, на следующий день «Daily mail» написала о мировом турне «Битлз», об их первом мировом турне с 4 июня по 2 июля. Почти месяц на Данию, Голландию, Гонконг, Австралию и Новую Зеландию. Все это в условиях разнузданной битломании, плюс перелеты из Европы в Австралию. Ну где-то часа 24 в полете в один конец. А 6 июля их уже ждали в Лондоне на премьере их первого фильма. «Битлз» не жалели. Пока на гребне успеха, надо этим пользоваться. Мировая премьера фильма — это очередная волна битломании. Миллионы подростков в разных странах мира с ночи занимали места у касс кинотеатров.

1964 год, июль, Москва, Неглинная улица. Магазин музыкальных товаров

Магазин еще закрыт на обед, но внутри прилавка в отделе с гитарами собралось начальство, товароведы и загадочная личность Витёк, который дружил, а самое главное, пил со всеми в магазине — от грузчиков до товароведов. После обеда в кафе и нескольких рюмок водки, у всех в отделе, куда привезли новые электрогитары, благодушное настроение. Раньше таких не было. Бас-гитара — 160 руб., еще одна гитара с двумя звукоснимателями за 180 руб. и роскошная, за 230 руб., с тремя звуконосителями. Все производства ГДР. Кто-то из продавцов после паузы сказал:

— Да, таких гитар даже у оркестра Рознера нет.

Витёк, утром работавший дворником, остальное время проводил у магазина, чувствовал себя в этой компании своим.

— Это ты знаешь для чего? Для «Битлз». Группы есть такие: три гитары и ударные. Сами и поют. А гитары надо включать в усилитель. Видишь, здесь есть штекер. Один конец — в гитару, другой — в усилитель.

Обед еще не кончился, минут 25 было. Выпили еще по рюмочке, закусили кильками. Еще раз рассмотрели штекер, где гнездо в гитаре.

— Гитара-то тонкая какая, — сказала подошедшая кассирша Верочка, — и такая звучит?

— Еще как! — сказал Витёк. — В усилитель включишь, будет громко.

— Надо же! — только и сказала она, взяла ключи от кассы и пошла к себе.

Гитары поставили на витрину, рядом ценники. С прилавка стряхнули крошки. Зам. директора посмотрел на часы: «Пора». Магазин открыли.

Недели через полторы, тоже в обеденный перерыв, Витёк притащил журнал с английскими группами. На развороте «Битлз» на концерте с гитарами, рядом усилители. Электрогитары в магазине почти не продавались, их даже выставили на уличную витрину. Продавцы, товароведы — все уважаемые люди, выпив по рюмочке, обед все-таки, — разглядывали журнал.

Смотри, у всех гитары с тремя звукоснимателями, — обратил

внимание старший товаровед, — а проводов-то сколько!

Выпили еще по рюмочке. Зам. директора спросил:

— Витёк, а усилители у них какие?

— По шестьдесят ватт, — ответил он.

— Много, — согласились все.

— А есть еще голосовая аппаратура. Микрофоны ведь стоят, — это уже высказал свое мнение Михалыч. Он раньше работал радистом в театре Советской Армии. — Ватт, наверное, по 100 — серьезные ребята.

Полистали еще журнал. Групп было много.

— Смотри-ка, «битолзов» есть и четверо, и пятеро. Вот музыкантов четверо, один солист, — внимательно рассматривали и инструменты.

Еще полистали журнал, еще выпили, закусили. Единодушно пришли к мнению, что до нас эти «битолзы» еще не дошли. Во всяком случае, никто не слышал, что где-то в Москве есть группы. Вот и гитары, как лежали, так и лежат.

— Ну ладно, — только и сказал зам. директора, — магазин пора открывать.

Но многим из тех, кто захочет повторить у нас в стране успех «Битлз», петь их песни или сочинять свои собственные, еще предстояло окончить школу, некоторые уже сдавали вступительные экзамены в вузы. Так что гитарам в магазине на Неглинной скучать осталось недолго.

* * *

1 июля 1964 года Сережа Костров с мамой и папой, который работал советником в посольстве СССР в США, рейсом Аэрофлота прилетел в Москву. Через плечо у него была спортивная сумка, в руках в чехле электрогитара, а в родительском багаже небольшой усилитель на 50 ватт фирмы «Амрех». Сережа приехал в Москву поступать в МГИМО. Такова воля его родителей. Будь его воля, он остался бы в Америке, где 18 августа начинались гастролы «Битлз», но «Битлз» выступают без Сережи Кострова. Он же 1 августа сядет в аудиторию вместе с другими претендентами на звание студента МГИМО МИД СССР и будет писать сочинение на тему: «Патриотизм русских людей в романе Льва Толстого «Война и мир». Он писал сочинение уже второй час, откладывая листы слева от себя, как вдруг почувствовал толчок ручкой в спину и женский шепот:

— Не оборачивайся. У тебя в сочинении ошибки.

— Где? — только и спросил Костров.

— Открой первую страницу, вторая строчка сверху...

Так неведомый голос расставил знаки препинания и исправил все ошибки в Сережином сочинении.

Когда он встал, чтобы сдать сочинение, за ним уже никто не сидел. В институт Костров все-таки поступил. Кто помог с сочинением, он узнает намного позже, и то случайно.

16 июля 1964 года газета британских коммунистов «Daily worker» сообщила: «Битлз» отправились в свое первое турне по Америке и Канаде, больше 30 городов. А 9 октября их уже ждали в Англии, где начиналось их очередное турне по стране, в которой они стали национальными героями.

Все это Сережа Костров прочитал по дороге домой из МГИМО, куда он только что был зачислен на 1-й курс.

Что удивило продавцов в «Москниге», это то, что в августе-сентябре из магазинов, а затем со складов исчезла книга «Самоучитель игры на шестиструнной гитаре». Дефицитом книга никогда не была, пылилась на полках. А тут вдруг исчезла. И книжные спекулянты не успели среагировать. К октябрю за книгу давали уже 10 номиналов (от цены 1 руб. 10 коп.).

Где-то в середине ноября Сережа Костров, проходя мимо клуба МГИМО, услышал гитарные звуки. Явно играла бит-группа. Приоткрыл дверь — на сцене была самая настоящая группа. Поискал глазами, где бы можно было присесть. Рядом с дверью ряд кресел, на одном сидел Коля Зайцев, сокурсник. Пожали друг другу руки.

— Это кто? — спросил Костров, садясь рядом.

— Поляки, «Тараканы», студенты. Вот репетируют. Вообще-то в зал никого не пускают. Я знаю руководителя, Яцека Бромски. Он и пустил.

Костров слушал заинтересованно.

— Что, Костров, играешь на гитаре?

— Да, люблю «Битлз», «Роллинг стоунз».

— Клево, — сказал Зайцев.

— Да у меня и гитара есть «Fender», и усилитель «Ampex», из Америки привез, — продолжал Костров.

— А мы тут группу замыслили соорудить. Ударник есть, бас-гитарист тоже. Я соло буду играть, а ты — ритм. Ну, как? Давай попробуем?

— Давай, — сказал Костров.

— Тогда послезавтра в клубе в 6 вечера, приходи с гитарой и усилителем.

А послезавтра в 6 вечера они и познакомились:

— Гриша Яников, — представился стройный блондин, — бас-гитара.

— Скворцов Дима, ударник.

Он уже сидел за ударной установкой фирмы «Премьер».

— Откуда? — только и спросил Костров.

— Да институт купил для самодеятельности, а она как-то не собралась. Вот и выпросили.

Костров включил усилитель, подстроил гитару, подошел к микрофону и спел несколько песен «Битлз» на хорошем английском. Его молча слушали. Потом стали подыгрывать. Через час уже стало получаться что-то, а еще через час в зале, где никого не было, вдруг раздались аплодисменты. Яников включил свет. У сцены стоял секретарь комитета комсомола, рядом с ним девушка высокого роста с довольно пышным бюстом.

— Ну, что, с почином вас, — сказал секретарь комитета комсомола, — а вот, кстати, познакомьтесь. Мой зам, Ольга Кузнецова. Будет курировать вопросы культуры, а значит, и вашу группу. Как, название придумали?

— Да вроде «Вирази».

— «Вирази» так «Вирази», — сказал секретарь комитета комсомола. Попрощался, и они с Ольгой пошли к выходу.

— Давайте, дерзайте, — только и сказал секретарь.

«Вирази» стали регулярно репетировать. А секретарь комитета комсомола доложил ректору, что в институте силами студентов создан ансамбль. А также представил своего нового зама Ольгу Кузнецову. Ректор невнимательно слушал секретаря комитета комсомола. Ансамбль так ансамбль, а вот на Кузнецову обратил внимание. Встал, подошел, галантно поцеловал руку:

— Как же, как же! Знаю дочь Кузнецова Василия Васильевича. Отец ведь сейчас в Англии? Мы с ним в Венесуэле вместе работали.

Про себя подумал: «Вот ты какая стала, Оленька, девочка с бантами на посольских праздничных утренниках».

Оля засмушалась, потом с этим справилась.

— Ну ладно, молодежь, дела. К коллегии МИДа надо подготовиться. Ну, а если с ансамблем нужна какая-либо помощь, Ольга Васильевна, обращайтесь напрямую.

* * *

1964 год для «Битлз» был очень напряженным. Всемирное признание, начавшееся с выступления в американском телевизионном шоу Эда Салливана, запись песен для своего первого фильма и новой долгоиграющей пластинки, съемки в фильме, затем мировое турне. Изнуряющее турне по США и

Канаде. Когда наступал момент нечеловеческой усталости и безразличия, они сидели в отелях под охраной, играли в карты, играли на гитарах, сочиняя новые песни. Им уже безразлично было, сколько они заработают. За время изнурительного американского турне они в среднем зарабатывали по 1785 фунтов в минуту, сократив время выступления до 30 минут. К концу года они уже были миллионерами. А 4 декабря увидела свет новая пластинка «Beatles for sale». С 24 декабря их рождественское шоу стартовало в Лондоне и продлилось до 16 января 1965 года. Ничего удивительного в том, что мировая пресса назвала закончившийся 64-й год годом «Битлз».

Июль 1965 года. Москва

Прием в посольстве Польской Народной Республики в Москве.

Министр культуры СССР с бокалом шампанского в руке внимательно слушала ансамбль польских студентов МГИМО «Тараканы». Она впервые в своей жизни слушала бит-группу. Не важно, что польскую и самодеятельную. Гитары, ударные, никаких саксофонов и труб. Посол, увидев интерес министра культуры к группе, пообещал прислать ей для просмотра фильм «Битлз» «A Hard day's night», выпущенный в Польше в начале 1965 года. Получив фильм, она вдвоем с переводчиком отправилась в просмотровый зал. 1 час 30 минут показа фильма сидела молча, слушая переводчика. После окончания фильма поблагодарила его и молча прошла к себе. В кабинете сидела за просторным столом, также молча, попивая чай вприкуску с хрустящей сушкой.

Что-то в «Битлз» было такое, что привлекало ее внимание, внимание бывшей ткачихи, бывшего секретаря ЦК КПСС, а ныне действующего министра культуры огромного государства, где в 1965 году граждане о поп-музыке имели весьма смутное представление.

12 февраля 1965 года. Лондон

12 февраля 1965 года в 8 часов утра в зале регистрации гражданских браков Какстон Халл. При полном отсутствии истеричных подростков и при минимальном присутствии прессы ударник «Битлз» Ринго Старр стал мужем 18-летней Марианн Кокс, парикмахера. В общем-то, насладиться медовым месяцем им не удалось. 22 февраля «Битлз» улетали на Багамы для участия в съемках их нового, на сей раз цветного, фильма с рабочим названием «8 рук, чтобы удержать тебя».

* * *

Саша Марков по дороге в институт у метро «Красносельская» в киоске «Союзпечать» купил «Daily worker», газету английских коммунистов, и прочитал про свадьбу, и про фильм, и про Багамы. Учебный день начинался с грамматики. Александр Прохорович Шапкин, 30-летний достаточно прогрессивный преподаватель, обратил внимание на то, что Марков изучал газету, и сразу же спросил:

— Что интересного вы нам поведаете?

Марков не смутился и по-английски рассказал о том, что прочитал. «Daily worker» можно было обсуждать на занятиях, ну вот и обсудили.

* * *

На Багамах «Битлз» отдыхали, дурачились, по сценарию фильма удирали от индусов, преследовавших Ринго.

Возражений на этот раз никаких не было, снимайте что хотите и как хотите, все равно рекордные сборы и километровые очереди у кинотеатров обеспечены.

11 апреля они вернулись в Лондон, выбрали, как им казалось, лучший вариант их будущего хита «Ticket to Ride» и 13 апреля улетели в Австрийские Альпы, где съемки их второго фильма были в самом разгаре. 4 мая Леннон сочинил песню «Help», Маккартни поможет с аранжировками, чуть позже, все вчетвером решат, что «Help» — очень удачное название для фильма. В общем-то, весь май 65-го года они работали над песнями к фильму и для своей новой долгоиграющей пластинки, которую

назвали так же, как и фильм — «Help». Одна из песен — «Yesterday» — родилась случайно в голове у Маккартни ночью, а утром он уже проснулся с какой-то непонятной для него мелодией в голове. То ли он где-то ее слышал, то ли это джазовая мелодия. Приехал в студию пораньше, опросил инженеров-техников, не слышал ли кто что-либо подобное. Наиграл продюсеру Джорджу Мартину, тот тоже ничего подобного не слышал.

— А напиши слова, — предложил он.

Через несколько дней это уже была баллада, но как ее записывать? Джордж Мартин не знал. Песня была не для рок-группы. Гитарам и ударнику здесь явно не было места.

Мартин рискнул и пригласил струнный квартет, песню закончили за два дня. Дали прослушать другим участникам группы, все слушали очень внимательно.

— Забористая получилась штучка, — только и сказал за всех Джон Леннон, — с виолончелью здорово придумали.

12 мая съемки фильма были завершены. Через несколько дней завершили и работу над долгоиграющей пластинкой «Help».

«Битлз» все-таки на 2 недели вырвались отдохнуть. Пол со своей подружкой, актрисой Джейн Эшер, отдыхал в Португалии. Ринго с семьей остался в новом доме в Лондоне. Джон с женой Синтией отбыл во Францию, в Канны. Джордж отдыхал в Англии.

* * *

12 июня английские газеты вышли с ошеломляющей общественное мнение новостью: королева Елизавета объявила о включении Джона, Пола, Джорджа и Ринго в число кавалеров ордена Британской империи — высшей награды страны. Сами же награды вручались по традиции в октябре.

Что тут началось! Лорды, пэры, заслуженные военные, государственные служащие, дипломаты стали отказываться от орденов, отсылая их королеве. Что такого героического в тех криках, которые «Битлз» обрушивают на публику?

«Битлз» с самого начала сомневались, а нужно им все это? Не сомневался один Брайн Эпштейн как верноподданный британской короны. Он был горд. Очень горд. У его подопечных будут ордена Британской империи.

Москва. 15 декабря 1965 года.

Кабинет министра культуры

Министру звонил заведующий отделом культуры ЦК КПСС, она внимательно слушала, тема разговора была не совсем обычной. В ЦК поступила информация о появлении в Москве ансамблей по типу английской группы «Битлз», репетируют в клубах на правах клубной самодеятельности. С одной стороны, это неплохо, есть, кому за ними проследить, посмотреть репертуар, с другой стороны, раз движение возникло, рано или поздно эти ансамбли начнут выступать на публике, а это уже надо контролировать.

— Вам-то самой что-нибудь известно про «Битлз»? — спросил зав. отделом.

— Да, — ответила министр культуры. — Мне о них рассказывал Никита Богословский. Он еще в прошлом году слушал их в Париже. У падчерицы слышала пластинки, видела фильм с их участием. Трогать сейчас клубных работников, — продолжала она, — бессмысленно, Новый год — «елки», а вот где-то в двадцатых числах января дам задание соответствующему управлению собрать руководителей московских клубов. Для начала поговорим, что и как.

— Ладно, — сказал зав. отделом. — Только не пугайте, а то погонят из клубов. Лучше в клубе, чем на улице. Я тоже после Нового года поговорю с московскими комсомольцами. Джаз они, как-никак, организовали и довольно неплохо. Конкурсы, выступления, все очень прилично. Кафе «Молодежное» работает на улице Горького. Там только джаз, разные коллективы собираются, спорят, что-то друг другу доказывают. Здесь все в порядке, мы знаем, что происходит.

* * *

К разговору вернулись в начале февраля уже в ЦК КПСС в кабинете заведомо культуры. Министр культуры доложила, что коллективы типа «Битлз» имеются во всех крупных отраслевых клубах Москвы, иногда и два, и три. Большинство клубов покупают им инструменты, работа ведется как с любым клубным коллективом, будь то кружок бальных танцев или ансамбль русской народной музыки. Репертуарный план, расписание

репетиций, выступления на различных клубных мероприятиях. Положила на стол заведомо список 15 ансамблей из различных клубов, названия, список участников коллективов, фамилии и телефоны клубных работников, ответственных за тот или иной коллектив.

Просмотрев список, зав. отделом удовлетворенно заметил:

— Ну что ж, здесь все ясно. Самодеятельность организована, если появятся новые коллективы, то механизм работы с ними отлажен.

Первый секретарь Горкома комсомола доложил, что, по информации секретарей комсомольских организаций вузов Москвы, в клубах учебных заведений созданы и репетируют 9 ансамблей. Два коллектива МГИМО — «Тараканы», созданный польскими студентами, и «Вирази» — пользуются особой популярностью среди московской студенческой молодежи.

Горком комсомола предлагает на базе кафе «Молодежное» создать при отделе культуры секцию популярной музыки, как это было сделано с джазом.

— Ну что же, — подытожил заведомо культуры ЦК КПСС, — и здесь тоже, вроде, какой-то контроль, через комитеты комсомола можно решить многие вопросы.

— Но вот еще справка компетентных органов, — оригинал протянул министру культуры, копию — первому секретарю горкома комсомола.

В справке говорилось об очень популярном московском ансамбле «Аэропорт», импресарио ансамбля Михаил Айзенштадт устраивал выступления в московских кафе и ресторанах под видом дней рождения, вечеров отдыха предприятий. На вечера распространялись билеты. Кафе и ресторану было все равно. Собирались люди, заказывали меню, кафе или ресторан делали план, а сколько денег оставалось, никого не касалось, из посетителей никто не жаловался и заявлений не писал. Билет обычно стоил 5 рублей. Точке общепита доставалось три рубля, два рубля — Мише Айзенштад-ту. Ансамбль репетировал в красном уголке ЖЭКа, дома недалеко от метро «Аэропорт», отсюда и название ансамбля — «Аэропорт».

Прочитав справку, министр культуры кивнула в сторону первого секретаря Горкома комсомола. Комсомольцам срочно нужен клуб, будет место, где собираться и выступать. Глядишь, туда все и подтянутся, и этот «Аэропорт» тоже.

1966 год, сентябрь, ул. Горького. Кафе «Молодежное»

Очередное заседание бит-клуба при отделе культуры МГК ВЛКСМ. На сцене группа «Вирази» института МГИМО. В зале посетители клуба — музыканты других групп, их подруги и знакомые. Яблоку негде упасть. Правда, два столика у окна зарезервированы. Говорят, ждут какое-то начальство. Активист клуба Миша Сушкин отгоняет посетителей от столиков, расположенных прямо напротив сцены. «Вирази» играют громко, но слаженно, песни на хорошем английском, без акцента. Репертуар — английские хиты. Публика в зале, в основном заинтересованная, слушает внимательно. А как же? Сами играют! За столиком четыре человека. Двое — молодые люди лет 17–19, а двое — лет под тридцать, тоже слушают внимательно. Сюда пришли послушать и посмотреть, что происходит, Игорь Кранов (28 лет) и Григорий Свободкин (27 лет), профессиональные музыканты, руководят оркестрами в столичных ресторанах. Кранов — в ресторане гостиницы «Центральная», Свободкин — в ресторане гостиницы «Берлин». Подруга Кранова, Зоя Полыни-на, из управления клубной работы Минкультуры СССР, все уши прожужжала: «Присмотрись к ансамблям, присмотрись. Пока самодеятельность, но перспективная. ЦК КПСС в курсе, комсомольцы суетятся, в Минкульте у министра на контроле. Присмотрись, Игорек». Взял с собой Свободкина. Пока мало что понятно, в основном молодняк, обсуждают какие-то группы, называют какие-то песни. Вот «Вирази» играют и поют неплохо, но все английское. Аппаратура хорошая, импортная, гитары, впрочем, тоже.

— В музыкальном магазине на Неглинной такое не купишь, а где? — спросил у своих случайных соседей по столику.

Те засмеялись:

— А нигде. «Вирази» — сплошь дети дипломатов и работников Внешторга. Им место за границей забронировано давно. Институт закончат, гитарку на стенку, ударную установку в чуланчик — и в дальние страны. Родители аппаратуру и инструменты привезли из-за рубежа.

— А чего ж тогда играют? — спросил Свободкин.

— Так, для удовольствия. Может, чего получится.

Соседей по столику звали Димой и Гариком. У них тоже была группа. Репетировали в клубе на «Войковской», жили недалеко. В

группе все студенты увлекаются рок-н-роллом.

Кранов и Свободкин молчали. Рок-н-ролл, как, впрочем, и все, о чем говорили молодые люди, было от них очень далеко, вне их жизни. Кранов улыбнулся:

— А что, давайте выпьем за... — Забыл и про себя подумал: «Как его?»

— Правильно, — нашелся Свободкин, — выпьем за буги-вуги и рок-н-ролл.

Разлил по рюмкам 12-летний армянский коньяк себе, Кранову и новым знакомым. Те подняли рюмки за буги-вуги и рок-н-ролл.

«Виражи» выглядели очень эффектно. Рубашки в полоску с коротким рукавом и кремовые брюки, одинаковые ботинки — все импортное, все оттуда. Кранов заметил, что усилители здорово звучали. А чего им не звучать?

— «Амрех», Америка, — улыбнулся Гарик. — У нас ни у кого больше таких нет. Играем на «самостроке». Вот и имеет каждая группа радиоинженера, который следит за аппаратурой.

Еще выпили. Кранову как-то стало не по себе. Он, ресторанный «лабух», понял, что не туда попал. Им со Свободкиным никогда так не сыграть, не это их все.

«Виражи» продолжали выступать. В зале вдруг произошло какое-то движение. Миша Сушкин засуетился. За свободные столики садились первый секретарь горкома комсомола и заведомо культуры ЦК КПСС.

— Ничего себе! — сказал Свободкин, показав глазами на пришедших.

Гарик с Димой только и сказали:

— Начальство. Они сюда каждый вторник ходят.

— Кто, эти самые? — спросил Кранов.

Дима посмотрел на столики, пожал плечами.

— Да кто ж их запомнит? Сюда разные приходят.

— Понимали бы чего, — добавил Гарик. — А то в рок-музыке ни слухом, ни духом.

— Да уж, — согласился Свободкин. — Ребята, выпьем за музыку, за рок, поп, за джаз, за музыку!

Гарик с Димой согласились, выпили. «Виражи» объявили перерыв. На сцене настраивалась другая группа — «Аэропорт».

— Вот, посмотрите, рядом с группой импресарио Миша Айзенштадт, — сказал Дима. — Хитрый и богатый. Этим летом он договорился с кабардино-балкарской филармонией, и группа выступала на юге на всех основных курортах, от Сочи до Батуми. Денег заработали, да еще и отдохнули.

Музыканты «Аэропорта» на сцене держались уверенно и

свободно. С первых аккордов стало ясно, что играют они лучше «Виражей». Видно, им намекнули, кто в зале. Игорь Фонарчук, бас-гитарист, объявил, что сегодня они будут играть блюзы — музыку американских негров, борющихся за свои права.

Пели и играли здорово, звучали хорошо. Тон в группе задавали соло-гитарист Юра Емельянов и бас-гитарист Игорь Фонарчук. Об американском блюзе они устроили целую лекцию. Выходило, что все боролись и страдали под блюз. Затем на русском спели две свои шуточные песенки: «Про солнце» и «Цветы». Все четко, профессионально, ничего лишнего. Объявили перерыв, поклонились и ушли со сцены.

Коньяк за столиком Кранова, Свободкина, Димы с Гариком подходил к концу. Кранов заказал еще, заодно четыре котлеты по-киевски. Дима с Гариком отошли, а Свободкин, наклонясь к Кранову, сказал:

— Нам, Игорек, так не играть. И в кабаках среди «лабухов» ничего похожего нет.

— Твоя Зоя — баба классная, но совет тебе она дала плохой. Я про всех этих «Битлзов», «Роллинг стоунзов» и про негров с их борьбой за блюз сегодня услышал первый раз. Потом мальчишки — студенты, их мамы с папами кормят. А мы сами отцы, нам своих кормить надо. Не наше это дело. Вот «Черный кот» сбачать — это мы можем, Игорек, поверь, вот это все не наше.

— Зря ты так, — сказал Кранов. — Ну не знаем мы про этот рок-н-ролл ни хрена. Подучимся, найдем ноты, поиграем. Зойка подберет нам по клубу, через лимиты Минкульта купим аппаратуру, инструменты, пошьем костюмы. Утром — в клубе, вечером — в кабаке. Кабак пока кормит. Мальчишки ведь от силы еще лет пять куражиться будут, потом позаканчивают вузы, женятся, пойдут заботы о семьях, останутся стойкие, фанатичные. Но мы им с нашими «лабухами» не помеха. У нас и клубы, и аппаратура, инструменты, кто-то к нам придет, кто-то вообще эту музыку будет слушать только дома. Поверь мне, так оно и будет. Мы, ни хрена не знающие, как ты говоришь, про этот рок-н-ролл, мы будем заказывать музыку. Эстрада за нами! Выпьем!

— За что пьем? — подсаживаясь к ним вновь, спросили Гарик с Димой.

— А вот за все эти буги-вуги, — показал рукой на зал Кранов.

— Выпьем, — согласились все.

Сентябрь, 1966 год. Кабинет завотделом культуры ЦК КПСС

В кабинете зав. отделом и секретарь горкома комсомола.

— Молодцы комсомольцы! Организовали клуб, собрали основные ансамбли. Конечно, проблемы есть, основная — песни на русском языке. Кстати, ребята из «Аэропорта» Игорь Фонарчук и Юра Емельянов, правильно нам сказали, никто из отечественных поэтов не писал и не пишет песни в стиле «биг-бит» и «рок-н-ролл». А раз молодежь потянулась за этим движением, слова должны быть наши. Ты понял, о чем? Поговори в Литературном институте, пусть несколько молодых поэтов походят в клуб, глядишь, чего-нибудь и получится.

— Может быть, кого-нибудь из маститых попросить? — неуверенно произнес первый секретарь МГК ВЛКСМ.

— И не думай! У маститых впереди шестьдесят седьмой год, год пятидесятилетия Октябрьской революции, не до этого им. А потом не их это музыка. Нет, для молодых должны сочинять молодые. Поговори с «Комсомольской правдой», может, у них кто есть на примете. И вот еще что. В феврале — марте организуй фестиваль-смотр ансамблей во Дворце пионеров. Подключи крупные дома культуры, комитеты комсомола промышленных предприятий. Пусть поют чего хотят, но чтоб две-три песни на русском языке, одну хотя бы по тематике юбилейного года.

— Боюсь, горком партии возникнет, — опять нерешительно сказал комсомольский секретарь.

— Не возникнет. Им позвонят. Давай готовь смотр-конкурс.

Москва, январь 1967 года. Станция метро «Охотный Ряд»

Сдав последние экзамены зимней сессии, студент факультета международных экономических отношений МГИМО Сергей Костров, пребывая в хорошем расположении духа, уже собрался выходить из метро и пройти пешком домой (жил недалеко, на улице Горького), его окликнули:

— Сережа, Костров!

Обернулся. Игорь Фонарчук и Юра Емельянов:

— Ты откуда?

— Сдал последний экзамен, иду домой.

— Аналогичный случай, — одновременно сказали Фонарчук с Емельяновым. — Решили в городе погулять. Слушай, Серега, может, сходим куда?

— А куда? — спросил Костров.

— Ты вот куда шел? — улыбнулся Емельянов.

— Домой. Тут рядом живу, где магазин «Армения».

— Знаем, знаем, — закивали Фонарчук с Емельяновым. — Ну вот, давай занесем твои книжки и сходим куда-нибудь.

Костров посмотрел на часы: время-то полтретьего, все приличное закрыто. Костров колебался недолго:

— Вот что, давайте купим чего-нибудь поесть, выпить и посидим у меня, музыку послушаем.

— А родители? — спросили ребята.

— Да я сейчас один живу, родители в Штатах. Так что мешать никому не будем.

— Ну, ты даешь! И молчал! — сказал Фонарчук. — Поедем в «Елисеевский». У тебя деньги есть?

— Рублей тридцать, — сказал Костров.

— Ну и у нас кое-что имеется. Едем! — И Емельянов направился к выходу.

В «Елисеевском» взяли всего понемногу. Брали все грамм по 300. Окорок «Тамбовский», свежайшую «Любительскую» колбасу, осетрину горячего и холодного копчения, икры паюсной и черной, свежайшие купаты, из расчета на троих, прихватили свежего хлеба, черного и белого, а также бутылку французского коньяка «Камю», четыре «Боржоми». Посчитали: а хватит ли денег еще на один коньяк? Оставалось 12 рублей, а коньяк — 9.50. Взяли. Тут же купили сетки «авоськи». Провизию, аккуратно завернутую в пергаментную бумагу с зеленой надписью «Гастроном», сложили

в одну авоську, а коньяк, «Боржом» и хлеб положили в другую и все бережно понесли через улицу Горького к Кострову домой.

Послушав музыку, попев рок-н-ролл под гитару, выпив хорошего коньяку, решили позвонить девушкам. Фонарчук и Емельянов своим знакомым дозвонились быстро. У Кострова на примете никого не было. Фонарчук использовал резерв ставки главного командования, как он говорил, позвонил нескольким знакомым, зачастую случайным, по телефонам, которые были в записной книжке. Откликнулась какая-то Ольга. Фонарчук толком и не помнил, как она выглядела, помнил, что высокая: так, познакомился в какой-то компании. Продиктовал адрес, повесил трубку.

— Минут через двадцать будет. Она где-то здесь живет.

Емельянов занервничал. Дамам нужно шампанское, торт какой-нибудь и еще какой-нибудь закуски. Стал одеваться. Посчитали деньги. Костров еще добавил. Шампанское, две бутылки, из родительских запасов нашлись у Кострова. За всем остальным в морозный московский вечер отправился Емельянов. Он оделся, пошел в кондитерский и «Елисеевский».

Сначала пришли Таня и Лена, знакомые Емельянова и Фонарчука. Вскоре появился и Емельянов с закусками, фруктами, тортом и еще одной бутылкой «Камю».

Минут через десять звонок в дверь.

— Это Ольга! — обрадовался Игорь Фонарчук.

Лене и Тане объяснил: девушка для Кострова.

На пороге стояла Оля Кузнецова, студентка 4-го курса МГИМО, замсекретаря комитета комсомола института. Симпатичная, высокая девушка, блондинка, в дубленке и очень симпатичной вязаной импортной шапочке. Костров замер. Этого он никак не ожидал. Галантный Фонарчук помог девушке раздеться. Под дубленкой она была в джинсах «Леви Страусс» и тонком вязаном норвежском свитере с оленями. Из своей сумочки достала элегантные туфли на невысоком каблуке. Фирменная девушка, да и только! Фонарчук пожалел, что Ольга не к нему пришла, но что случилось, то случилось. «А вообще-то, — решил чуть захмелевший Фонарчук, — что бог не делает, все к лучшему».

Ольга посмотрела на Кострова, спросила:

— Сережа, чем помочь?

— Ба, — удивился Фонарчук. — Они знакомы!

— Причем давно, — улыбнулась она, проходя на кухню.

Она уже твердо решила, что будет сегодня только с ним. А почему нет? Не женат, из своих, глупостей не сделает.

Емельянов подошел к Кострову:

— Ты ее знаешь?

— Да, — улыбаясь, сказал Костров. — Замсекретаря комитета комсомола нашего института, член КПСС.

— Ну, извини, старик, — Фонарчук неловко улыбнулся. — Не хотел! Ты ведь комсомолец?

— Конечно, — подтвердил Костров.

— Ну, тогда вам будет о чем поговорить. Я в комсомольские и партийные дела не вмешиваюсь.

Слушали Элвиса Пресли, «Битлз», «Роллинг стоунз», танцевали, целовались. В 12 ночи Таня и Лена засуетились:

— Ребята, нам пора. На метро как раз успеем.

Фонарчук и Емельянов тоже собрались. Во-первых, девушек проводить, а потом и самим пора.

Гостей проводили. Ольга сказала Кострову: «Пойдем, помоем посуду», — и пошла на кухню. Костров — за ней... и остолбенел. Ольга без свитера, в бюстгальтере, уже мыла посуду.

Увидев удивленного Кострова, улыбнулась:

— Свитер жалко, боюсь испачкать. Подарок родителей.

Костров удивился:

— А они у тебя где?

— В Англии, папа — советник посольства, — как-то смущенно ответила Ольга.

— А у меня — в Штатах.

— Я знаю, — сказала она, очищая сковородку от купаточного жира. — Писала на группу «Вирази» справку в горком комсомола.

— А джинсы не боишься запачкать? — поражаясь своей смелости, спросил Костров.

— И то правда, — сказала она, взяла и сняла джинсы. В бюстгальтере, трусах, поясе и чулках перед ним стояла девушка 1 м 76 см ростом, член КПСС, замсекретаря комитета комсомола МГИМО МИД СССР. Домыв посуду, она опять посмотрела на него:

— Я останусь у тебя, Сережа. Хотя и живу рядом, где магазин «Подарки». Меня никто не ждет. Хорошо, Сережа? — Посуду вытерла и сложила в шкаф. — Ну что, пойдем к тебе?

Он как-то безвольно, скорее, от неожиданности, повиновался.

— А у тебя уютно и кровать просторная.

Она помогла ему раздеться, сняла трусы и легла рядом с ним. Он лег на нее.

— Ого! — только и сказала она.

Он вошел в нее мощно и страстно.

Утром он проснулся от того, что кто-то жарил на кухне яичницу. Сообразил, что Оля. Подошел к ней. Она была в его махровом халате, в его шлепанцах, под халатом любимая американская майка Кострова с надписью «Wrangler».

— Ты сегодня никуда не идешь? — спросила она.

— Нет, — ответил Костров. — Все сдал вчера.

— И мне тоже некуда спешить, — сказала она и повернулась к нему своей мощной грудью в его любимой майке.

— А у тебя девушек много было? — спросила она.

— Нет, — ответил Костров. — Ты четвертая. — И почему-то спросил ее: — А у тебя много было мужчин?

Она задумалась:

— Да, были.

Они занимались любовью до вечера, затем поужинали. Ольга допила шампанское костровских родителей. Утром после завтрака оделась, посмотрела на счастливого Кострова:

— Вот что, Сережа. Для всех мы с тобой малознакомые люди. Я сама тебе буду звонить и приходить. Я понимаю, что я тебе понравилась, ты мне тоже. Но никаких контактов в институте. Здрасьте — до свиданья. Я почему пришла сюда? Мне мужика захотелось. А когда Игорь позвонил — узнала, что рядом, и пришла. А тут — ты. Отличный вариант получился. Вы завтра в клубе репетируете, я приду, принесу вам условия конкурса-смотря самодеятельных коллективов. Горком проводит. Помни, я — замсекретаря комитета комсомола. Ну, все.

Надела дубленку, надела симпатичную, вязаную не у нас шапочку, улыбнулась и пошла к лифту.

* * *

В середине февраля, после каникул, около 6 вечера Игорь Фонарчук и Юра Емельянов зашли к Кострову, поговорили о том о сем, послушали новые пластинки. Настроение у Кострова было никаким. В институте Коля Зайцев, соло-гитарист «Виражей», сказал ему, что видел списки на зарубежную практику. Коля попал в Алжир. А Кострова в списке он не видел. Удивительно, все участники «Виражей» куда-то ехали, даже Гриша Яников, не блиставший талантами, попал в Гану. Костров упавшим голосом спросил:

— А во Францию кто?

— У — сказал Зайцев, — там народу хватает, на полный срок едет мадам Помпадур.

— Это кто такая? — спросил Костров.

— Ну, кто? — Удивился Зайцев. — Фаворитка и любовница ректора Ольга Кузнецова.

Костров сдержался, не удивился вслух. В мозгу эхом отзывалось: «Любовница, любовница».

— Да ладно, старик, не расстраивайся. Может, я ошибся. Завтра вывесят список, почитаем.

Все это он и рассказал Фонарчуку и Емельянову. Фонарчуку, студенту Суриковского училища, за граница если и светила, то в очень отдаленном будущем, а Емельянову, студенту МАИ, вряд ли вообще стоило думать о зарубежных поездках. Игорь Фонарчук удивился:

— Вот дает! Она тебя вперед должна двигать, а не взад.

Звонок в дверь.

— Кто это? К тебе? — просил Емельянов, убавляя громкость проигрывателя.

— Не знаю, никого не жду, — удивленно сказал Костров.

Открыл дверь. На пороге Ольга Кузнецова. Фонарчук развел руками — картина Репина «Не ждали».

— Я случайно зашла. А вдруг дома?

— Вовремя, — сказал Емельянов. — Ты что, думаешь, мы здесь делаем?

— Выпиваете? — спросила Ольга.

— Если бы! — сказал Игорь Фонарчук. — Пришли друга из петли вынимать.

— Зачем? — удивленно спросила Ольга.

— Ага, — сказал Игорь. — Не надо было?

— А что случилось? — удивление Ольги было искренним.

— Да вот, человек не поехал во Францию, а некая дама едет туда аж на шесть месяцев.

— Какая дама? — спросила Ольга.

— Некая, из-за которой наш бедный друг сегодня ни ест, ни пьет, — объяснил Емельянов.

— А зря, — сказала Ольга. — Мог бы выпить, есть повод.

— Скажи нам, — Емельянов подошел к ней поближе. — Мы выпьем вместе.

— А раздеться можно? С меня и так снег, как со Снегурочки, капает.

— Раздевайся.

Федорчук и Костров помогли девушке снять дубленку, сапоги «Аляска» на меху. Из своей объемной сумки она достала бежевые туфли, надела, встала: высокая девушка в тонкой вязке свитере, на сей раз с медведем, в короткой юбке, входящей на Западе в моду. Федорчук и Емельянов оценивающе рассматривали ее ладную фигуру. Костров, пораженный происходящим, безмолвствовал.

— Знаете что, мальчики, — сказала Ольга, доставая из сумки бутылку французского коньяка «Martell», 15 рублей за бутылку, и какую-то бумагу, — есть что обмывать. Пошли в столовую.

Поставила бутылку на стол, стала доставать коньячные бокалы, невысокие и пузатые. Фонарчук уже открыл бутылку ароматного коньяка.

— А за что пьем? — нарезая тонкими ломтиками лимон, спросил Емельянов.

— Как за что? — удивилась Ольга. — За вашего друга, чтоб не вешался.

Костров молчал.

— Вот приказ ректора о практике. Читайте. Завтра его узнает весь институт.

— Ни фиги себе! — сказал Костров, который жадно, почти мгновенно, прочитал приказ: «Костров С.А. — Англия. Торгпредство СССР, город Лондон. Май — сентябрь 1967 года».

— Ну вот, а ты вешаться хотел, — сказал Емельянов.

— Завидую! — развел руками Фонарчук. — С «Битлз» встретишься, глядишь, и споете вместе под гитарку.

Москва. Начало февраля 1967 года

Кабинет министра иностранных дел СССР. В кабинете двое: министр и 54-летний ректор Института международных отношений, доктор наук, профессор, посол СССР в двух латиноамериканских странах, член Коллегии МИД СССР, беседуют за столом для совещаний, пьют чай с лимоном и хрустящим печеньем «Юбилейное». Рядом небольшая карта Ближнего Востока. Предложение министра несколько удивило ректора: в сентябре отправиться послом Советского Союза в Хошемитское Королевство Иордания. Вуз передать преемнику, а все остальное за ним, включая членство в коллегии МИД СССР. Регион сложный, события грядут непредсказуемые. У Иордании позиции незыблемые, страна королевской демократии как никогда стабильна. Многие в ближневосточной политике идет через Амман. Король Хусейн — признанный лидер Ближнего Востока. В ЦК кандидатура будущего посла одобрена.

— Да и у меня, — добавил министр, — лучшего кандидата на примете нет. Хотя есть одно «но».

— Какое? — встрепнулся ректор.

— Любовница, — сказал как-то строго министр.

— Чья?! — удивленно спросил ректор.

— Ваша. У меня любовницы нет. Ее в институте называют «мадам Помпадур», фаворитка ректора. Так есть или нет?

— Есть, — подавленно сказал ректор. — Но никакая она не фаворитка.

— И это известно, — серьезно сказал министр. — Сказать кто или сами назовете?

Ректор явно не ожидал всех этих вопросов и разоблачений и как-то подавленно произнес:

— Кузнецова Ольга Васильевна, замсекретаря комитета комсомола, студентка МЭО.

— Дочка Кузнецова Василия Васильевича. Хороший человек, — сказал министр. — В Англии достойно работает. А вы с дочерью такое учинили.

Ректор облизнул пересохшие губы.

— Да толком-то ничего и не было.

— Ну не было и не было, — как-то без желания сказал министр. — Но больше быть не должно. Мальчик-то у нее есть? Ну, сокурсник или кто-то еще?

— Нет, — обреченно выдохнул ректор. — Хотя одному, Сереже Кострову, она симпатизирует.

— Сыну Александра Васильевича?

— Да, кажется, — сказал ректор. — Он еще в этом ансамбле институтском играет.

— «Виражи», — подсказал министр.

— И это знаете? — упавшим голосом спросил ректор.

— И это. Да тут целая подсказка про ваши грехи... — И достал из лежащей рядом папки две странички машинописного текста. — Потворствуешь, говорят, тлетворному влиянию Запада.

— Я-то тут при чем? — опомнился ректор. — Ими горком комсомола занимается, конкурс в марте будут проводить.

— Ну, горком комсомола так горком комсомола, то партийные дела.

— А что там еще про меня написано? — спросил ректор.

— Да ничего хорошего, — ответил министр. — Читать все равно не дам, а то наложите на себя руки. Запомните только одно: любовницы нет и никогда не было. Есть такая Кузнецова. Ну, замуж она собралась, мальчик у нее. Ладно, я к этому больше не хочу возвращаться. Поговорим о ближневосточных делах.

* * *

Вечером ректор в подавленном состоянии приехал к Ольге. Странно, но после разговора все вздохнули с облегчением. Ольгу всегда тяготила связь с женатым мужчиной. Свое она уже все получила, в партию вступила, в аспирантуре останется, на практику за рубеж съездит и будет открыто встречаться с Костровым — хорош мальчик в постели. Да и у нее теперь будет нормальная студенческая жизнь.

Через день, взяв бутылку французского коньяка и копию приказа о зарубежной практике, она отправилась к Кострову. Через полтора часа она вместе с Костровым, Фонарчуком и Емельяновым входила в ресторан гостиницы «Центральная». Внутри их не пустила надпись «Мест нет». Достучались до швейцара, передали записку руководителю оркестра Игорю Кранову. Тот появился очень быстро. Он ждал Фонарчука и Емельянова. Появление же Кострова с девушкой было неожиданным. Но Кострову он был рад. Чем черт ни шутит, кто-то из этих ребят, может, и поможет ему? Потом, Костров записывал ему последние западные пластинки и хиты. Правда, слушать было некогда и лень, но вот его ударник Леня Вайнштейн слушал все, ходил в бит-клуб, хотя лет ему было уже 38. Худой, стройный, лучшего ударника у Кранова не было. Из его «лабухов» он один знал о переменах в поп-музыке. Девушка была

симпатичной, грудь не меньше 5-го номера. Молодец Костров. Всю компанию он разместил недалеко от сцены. Зал действительно был полон. Какое-то предприятие праздновало какую-то годовщину. В кабинете — банкет-зале солидные люди отмечали 60-летие своего начальника. Яблоку негде упасть. Стол им накрыли быстро. У Кранова в ресторане был непререкаемый авторитет — как-никак руководитель оркестра.

Костров еще никогда не был с девушкой в ресторане, да еще с той, с которой спал. Фонарчук и Емельянов в ресторанах бывали часто и с девушками и без девушек, их-то ничего не смущало. А Кранову они сегодня обещали зайти, в ресторане «Огонек», недалеко от метро «Автозаводская», играла очень приличная бит-группа «Друзья». Ребята все взрослые, все после армии, служили в ГДР, оттуда усилители и гитары. У Кранова беда — запили бас-гитарист, клавишник и гитарист. Кранов сам играл и пел с аккордеонистом и ударником. Приход Фонарчука и Емельянова Кранов воспринял с воодушевлением: может, помогут? Фонарчук пошел звонить в «Огонек» сказать, что не приедут. Сироткин Валера, соло-гитарист, подошел к телефону:

— Игорь, не приезжайте, у нас прорвало канализацию, ресторан закрыт минимум до среды. Я специально ждал твоего звонка.

Фонарчук сразу сообразил, что надо делать.

— Слушай, Валера, забирай гитару, усилитель и езжай в «Центральную». Здесь завал с оркестром, запили ребята.

— Слушай, Игорь, у нас нет ударника, а так не все разошлись. И Аркадий, клавишник, здесь.

— А что, идет! Вечер не терять, деньги заплатят, — предположил Сироткин.

— Не вопрос. Берите такси и приезжайте, — сказал Фонарчук. Фонарчук подошел к Кранову:

— Сейчас ребята из «Огонька» приедут. У них канализацию прорвало. С тебя для них деньги за заказы.

— Ясное дело! — Кранов развел руками.

А что оставалось Кранову? В наличии был он, аккордеонист и ударник Леня Вайнштейн. К нему подошли с банкета солидные люди.

— Ребята, сыграйте рок-н-ролл.

Уже подвыпившие люди стали объяснять Кранову:

— Десять лет назад мы работали в Штатах. Музыка молодости, так сказать.

А что мог сыграть аккордеонист и Кранов? До мозга костей ресторанные «лабухи», сейчас у них и «Ландыши» вряд ли бы получились. Фонарчук и

Емельянов, закусив котлетой по-киевски, с горячим маслом внутри, поднялись на сцену.

— Кранов, с тебя причитается! — Взяли гитары, настроились. — А что, хорош инструмент!

— Еще бы, — сказал Кранов. — Лимит Мин-культы.

Проверили голосовую аппаратуру. Венгерская, из того же лимита.

— Ну, поехали.

«Rock around the clock», «Long tall Sally», «Hallo Mary lou» — классика рок-н-ролла 50-х, четко, слаженно, без перерыва. Какой-то парень предложил 25 рублей, сказав:

— Сыграйте еще рок-н-ролл.

Сыграли. Кранов был доволен. Подъехали ребята из группы «Друзья», сделали паузу настроить аппаратуру. Кранов издали слушал, что творилось на сцене. А там уже была группа, о которой он мечтал, опытные кабацкие «лабухи», отлично играющие бит-музыку.

Они уже овладели аудиторией, поздравили кого надо, от кого надо передали привет. Музыка была хороша, гитарная инструментальная, «цыганщина», шлягеры типа «Черного кота», «Пушистый беленький котенок», вальсы, твисты, все вежливо, с юмором. Сделав паузу, Валерий Сироткин, лидер группы, сказал:

— Нас просят сыграть один очень известный твист «Let's twist again as we did last summer». Обязательно сыграем прямо сейчас. Но в нашем репертуаре он называется «Твист Гена с лавсаном». Запомните!

Стоявший рядом с Крановым директор ресторана засмеялся:

— Во дадут! Игорь, это кто?

— Да вот хочу взять вместо своих алкашей.

— А что, бери, — одобрил директор. — Народ на них пойдет.

Кранову верилось и не верилось, и кого благодарить? Судьбу, прорвавшуюся канализацию, Фонарчука с Емельяновым или подружку Кострова с 5-м номером груди, которая и привела сюда компанию?

Москва. Ул. Куйбышева.
Министерство культуры СССР.
Октябрь 1967 года

Министр культуры после недолгого раздумья позвонила 1-му секретарю МГК ВЛКСМ и попросила его организовать встречу с активистами бит-клуба, при этом уточнив, что комсомольских функционеров ей не надо. Пусть придут те, кто разбирается по-настоящему, 1–2 человека. Главный комсомолец Москвы просил два дня, чтобы подумать.

— Кстати, — заметила министр, — встречу надо организовать без лишней помпезности, только я и активисты клуба. И все это между нами.

Через два дня 1-й секретарь МГК ВЛКСМ сообщил, что на неофициальную встречу с министром придут Михаил Сушкин и Александр Марков.

— А это кто такие? — поинтересовалась министр.

— Сушкин — секретарь комитета комсомола Гостелерадио, председатель бит-клуба. А Марков — активист клуба.

— Да? — спросила министр. — Лозунги, знаете, я и сама могу произносить.

— Нет-нет, они разбираются. Особенно Марков, замсекретаря комитета комсомола МГПИ им. В. И. Ленина. Изучает английский и французский языки, собирает пластинки. Поп-музыку хорошо знает.

— Ну ладно, пусть придут завтра к шестнадцати ноль-ноль. Внизу их встретят.

* * *

Сушкин и Марков, немного смущаясь, стояли у большого стола для совещаний в кабинете министра, не совсем понимая, зачем они понадобились министру культуры.

Помощница налила каждому чай в фарфоровые чашки, а в хрустальную вазочку насыпала хрустящих горчичных сухек.

Министр культуры, стройная, элегантная, в хорошем заграничном костюме, бесшумно вошла в кабинет.

— Садитесь, — сказала она. — Давайте знакомиться.

Посмотрела на комсомольский значок Сушки-на, улыбнулась:

— Вы, конечно, Миша Сушкин, а вы — Саша Марков.

— Так оно и есть, — подтвердили молодые люди.

— Кстати, чай хороший. Индийский. Ну а сушки — мои любимые, горчичные, — улыбнулась министр. Взяла одну, обмакнула в чай.

Разговор за чаем с сушками продолжался около двух часов. Марков ей понравился: толковый мальчик. Сушкин мыслил более схематично, по-комсомольски, но был в материале, знал, сколько коллективов в клубе, кто что играет.

— Ну а кто-то среди ваших коллективов есть международного уровня, ну, как «Битлз», например?

— Нет, — сказал Сушкин.

— Нет, что вы! — замотал головой Марков. — Нет, откуда?

— Пока нет, — уточнил Сушкин.

— А будут ли? — спросила министр.

— Стараются, — пожал плечами Сушкин.

— Ну, одного старания мало, тем более когда профессионализма нет. Как я понимаю, все ваши ансамбли — это самодеятельность, наспех обученная играть на гитарах, — чуть улыбаясь, сказала министр.

— Ну, в общем-то, да, — кивнул головой Сушкин.

Марков молчал.

— Ну вот что, товарищи, — тон министра стал деловым. — ЦК КПСС настаивает на издании приказа, регламентирующего работу и деятельность вокально-инструментальных ансамблей. Не слышали о таком? — спросила министр. — Тогда пока это все разговоры между нами. Вот освобожусь от мероприятий, посвященных пятидесятилетнему юбилею советской власти, отдохну и выделю вам людей для совместной работы над приказом. А пока все сугубо между нами. Во всяком случае, сегодня я узнала, что хотела. А когда решу дела с приказом, вас найдут.

* * *

По улице Куйбышева колючий ветер гонял осенние листья. Почти стемнело. На часах 18.10.

— Ну, старик, я в Останкино, — заторопился Сушкин. — Телецентр вот-вот введут в строй, субботник за субботником, как всегда, аврал. Я лично сейчас где-то по дороге с Пятницкой в Останкино. Наверное, обзвонились. Ну ладно, ты куда, домой? Подвезти? Я сейчас ловлю тачку, ведь мимо буду ехать, по проспекту Мира.

— Да нет, я в «КМ» (кафе «Молодежное»). Сегодня ведь вторник.

— Ну ладно, старик, сегодня без меня. Побежал ловить такси.

Где-то в 19.30 командир комсомольского оперативного отряда, который осуществлял охрану входа в кафе «Молодежное», нашел Маркова.

— Саша, там к тебе три девушки пришли.

— Ко мне? — удивился Саша. — Я вроде никого не жду.

— А зря, симпатичные девушки, — сказал командир оперотряда.

Удивленный Марков поспешил к входу: кто такие? Увидел и удивился. В фойе уже раздевались Тоня, 18 лет, Наташа, 26 лет, и Ира, 19 лет, танцовщицы ансамбля Моисеева. Собственно, Марков знал одну Тоню. Она была дочерью подруги его матери. Симпатичная длинноногая брюнетка Тоня жила самостоятельной жизнью, танцевала, выезжала за рубеж, одета была по последней парижской моде. Ира и Наташа, которых Марков видел впервые, тоже были хороши. Тоня, увидев Сашу, извинилась:

— Мы сегодня раньше освободились. Решили посидеть где-нибудь. И тут я вспомнила про тебя. Ты как-то говорил, что по вторникам здесь бываешь. Тем более это рядом с залом Чайковского, где у нас база.

Три стройные роскошные девушки в фирменных одеждах, за ними Марков, тоже неплохо одетый, — фурор для студенческой среды, зачастую покупавшей инструменты на мамины и папины деньги, стрелявшие рубли до стипендии и ухаживавшие за девушками со своего институтского курса. Марков у многих вызывал зависть. Он хорошо одевался, был начитан, собирал пластинки, имел дома хорошую фирменную аппаратуру. Фарцовщик, да и только! Но то, что он давал частные уроки английского языка, мотаясь после института по ученикам, это никого не интересовало. Завидовать легче, чем работать. Говорили, что как педагог Марков был не без таланта. Среди его учеников были не только школьники, но и солисты Краснознаменного ансамбля Советской Армии, артисты ансамбля «Березка». Летом Марков подрабатывал гидом в «Интуристе» и переводчиком на всевозможных международных выставках в Сокольниках. В институте отношение к Маркову было неоднозначным. Многие преподаватели считали его очень талантливым студентом. Но кое-кто тоже считал его фарцовщиком. Их раздражала его прическа, длинные волосы, манера одеваться в английском стиле. Кто-то занижал ему оценки, отдавая предпочтение более усидчивым студенткам. Кафедра грамматики благоволила к Маркову, рекомендуя

задуматься над аспирантурой. И вот сегодня вечером судьба подарила ему встречу с тремя очень симпатичными и модно одетыми девушками.

Марков выбрал столик в углу кафе, подальше от сцены. Спросил у девушек и заказал, что они захотели. Хотя меню в «КМ» было скудным: шампанское, фрукты, яичница, котлеты «по-киевски», салат «оливье», наборы шоколадных конфет. Да вот, пожалуй, и все меню. Девушкам заказали шампанское, фрукты. На сцене уже играли «Вирази», ансамбль МГИМО МИД СССР. Играли и звучали хорошо. Гитары фирменные, аппаратура тоже, песни в основном английские. Дети заграничников играют так, для удовольствия. Это все объяснил Марков девушкам, перекидывая группу «Вирази». Девушки из моисеевского рассказали, как летом в Лондоне в клубе «Марки» слушали английскую группу «Who». После «Виражей» выступал молодой талантливый Саша Градский.

Где-то около 11 вечера стали расходиться, группы собирали аппаратуру. Музыканты и посетители пошли к метро, а кое-кто толпился на остановке троллейбуса, которая была как раз напротив входа в кафе. Наташа, Ира и Антонина пригласили Сашу к Наталье, которая жила рядом, в доме, где был магазин «Пионер». Сталинский дом, двухкомнатная просторная квартира, с хорошей аппаратурой и пластинками. У Саши загорелись глаза ихватило дух: «Ух ты!» Антонина позвонила Сашиной маме и сказала, чтобы родители не волновались. Повесила трубку и продолжала раздеваться прямо в спальне, откуда и звонила Сашиным родителям. Полураздетая, в спущенном чулке, в одном сапоге итальянской фирмы «Розетти» она силой овладела Сашей, завалив его на себя в широкую двуспальную Наташину кровать. Где-то полпервого Тоня собралась, позвонила матери:

— Мама, не волнуйся. Я у Наташи, скоро буду.

Поцеловала Сашу, попрощалась с Натальей и, хлопнув дверью, зацокала каблучками на лестничной площадке.

Саша, слегка обалдевший, сидел на кухне в полурасстегнутой рубашке, в джинсах, босиком, грея руки о чашку бразильского душистого кофе, который ему налила Наталья.

— Это все Антонина, — улыбнулась Наташа. — Она всегда так. Ее мать требует, чтобы она ночевала дома — и никаких мужиков.

Наташа уже стояла перед Сашей почти голая, в трусах и бюстгальтере.

— Пойди, прими душ, а я жду тебя в спальне, — сказала она, протягивая ему душистое китайское махровое полотенце.

Увидев на кухне телефон, Саша позвонил родителям, сказал,

что заночует у знакомых, и продиктовал номер телефона.

Наташа Саше понравилась: высокая, стройная, любила музыку, собирала пластинки. Правда, она на 5 лет была его старше, а так ничего девушка.

Утром, в 8 часов, позвонил Сашин отец, то ли проверяя сына, жив ли здоров, то ли действительно вчера звонили от проректора по международным связям, а мама забыла сказать. За завтраком Наташа показывала записи на салфетках.

— Вот вчера со мной познакомились: Слава Кеслер, Слава Малезик. Знаешь таких?

— Знаю, Кеслер — группа «Мозаика», Малезик — группа «Ребята».

— А так еще подходил Юра Айзеншпис, Миша Айзенштадт. Самостоятельные ребята, сразу видно. Шампанского поставили, фруктов принесли. Конечно, Антонина со своим б... ским характером шла нарасхват.

— А куда Ира вчера ушла? — спросил Саша, доедая чайной ложечкой очень вкусный «варенец», купленный на рынке.

— Домой, куда же еще! Она недалеко живет, на улице Горького, у Моссовета.

Домой Саша добрался где-то около 6 вечера. Рассказал родителям о том, что в институт опять приезжают англичане-стажеры. Ничего в этом удивительного нет. Они каждый год ездят. Удивительно другое. В составе группы руководителем приезжает Барбара Стоун, хорошая знакомая Саши Маркова. И в своих пожеланиях она просила, чтобы со стажерами работала именно учебная группа Саши Маркова и лично он, Саша Марков, в обязательном порядке. В 67-м году визит англичан и вообще любых иностранцев-западников приравнивался к визиту инопланетян. Общаться с англичанами доверялось лучшей по успеваемости группе факультета, каковой и являлась группа Маркова. Сам он, правда, у факультетского начальства не котирировался. А вот группа была лучшей. Декан факультета даже возмутилась: почему Марков будет постоянно общаться с Барбарой Стоун?

— Ну, значит, так надо, — ответил проректор по иностранным вопросам.

Декан сразу успокоилась. В апреле ей по обмену предстояло со студентами ехать в Англию:

— Может студентку-отличницу прикрепить ему в помощь?

— А вот про студентку мне указаний не было, — ответил проректор.

Услышав слова «указаний не было», декан сникла быстро, сообразив, что инициатива будет наказана, раз не было указаний.

Ну ладно, Марков так Марков, согласилась декан. Поездка в столицу Туманного Альбиона вновь становилась реальностью. Про себя решила: «Ну его, этого Маркова!»

Барбара Стоун, ведущая музыкальных программ русской службы Би-би-си, приезжала в СССР со студентами третий раз. Сначала студентка как студентка. Группа, где учился Марков в первый ее приезд, по согласованию с ректоратом пригласила англичан в новую квартиру Марковых, в которую они переехали в марте 66-го года. Дом

Марковых был недалеко от нового общежития МГПИ, где и разместили англичан. Двух раз было достаточно, чтобы, гуляя с Сашей, Барбара научилась находить дом Маркова. На третий вечер она неожиданно пришла к Маркову, послушала музыку, в основном английских групп, и ушла. Переспят они через год, в конце апреля 1967 года, когда Барбара вновь придет в СССР со студентами. Все будет так же неожиданно, как и в первый раз. Она придет к нему вечером, родители будут на даче, Саша один в квартире. Он не смог удержаться при виде высокой девушки в короткой мини-юбке — последний писк английской моды. Они встречались втайне от деканата и группы отличниц факультета английского языка. Удивительно, но она скрывала их встречи от других английских студентов. По совету отца Саша, смущаясь, рассказал все проректору. Но тот не усмотрел в их встречах ничего плохого, посоветовал держать это все в тайне. Когда Саша через несколько дней рассказал, что и Барбара среди англичан не афиширует их встречи, проректор закурил, подождал, когда появится пепел на сигарете, стряхнул его в пепельницу.

— Ну я так и думал. Впрочем, это даже к лучшему.

Саша активно работал в бит-клубе, несколько раз брал Барбару, хорошо говорящую по-русски, на выступления различных групп, в кафе, где Юра Айзеншпис или Миша Айзенштадт организовывали сейшены, как тогда это все называлось в народе, так как официального названия всему этому еще придумано не было.

* * *

В русской службе Би-би-си началась смена поколений. Великолепный ведущий Энтони Кэш, который придумал много остроумных ходов в музыкальных передачах русской службы, уходил продюсером музыкальных программ Би-би-си. Уходил ведущий англичанин, хорошо владевший русским языком. Это он в течение нескольких лет объявлял: «Здравствуйте. У микрофона

Кэш Антоний, любитель джаза и симфоний. Я буду улаживать вас что есть мочи до самой что ни на есть московской полуночи». Передача выходила в эфир в 23.30 и длилась 30 минут.

Возникавшие в СССР группы типа «Битлз» в британской разведке МИ-6 заметили. Сотрудникам английского посольства в Москве из Лондона обратили на это явление внимание. Но сотрудникам посольства проникать на выступления в бит-клуб и просто даже в кафе было затруднительно. Советское общество было все-таки замкнутым пространством. Появление иностранцев там, где были русские, воспринималось настороженно. Стажерам, изучавшим русский язык в различных вузах, было намного легче попадать на различные мероприятия с участием групп вместе со студентами. Но получить нужную информацию об участниках групп было трудно. Так, слухи — это сколько угодно, а вот конкретно кто есть кто — не получалось. И вдруг Барбара Стоун и Александр Марков. Саша Марков не для разведки, предателем не станет, не то воспитание. Отец хорошо известен в МИ-6. В 45-м году работал на Потсдамской конференции переводчиком, затем в комендатуре Берлина. В СССР вернулся в 53-м году. Владеет свободно немецким, английским и французским языками. Член КПСС, в настоящее время работает директором курсов иностранных языков. А по утрам преподает в УПДК (Управление дипкорпусом) русский язык иностранным дипломатам. Саша Марков — мальчик из обеспеченной семьи советских патриотов, для МИ-6 бесперспективен. Но через него можно многое узнать, что в принципе не составляет государственной тайны. Но другие и этого не знают, МИ-6 хотелось бы, чтоб один из ведущих музыкальных программ Би-би-си был выходцем из СССР и, желательно, разбирался в музыке. Но и это было не очень-то обязательным.

До Москвы и МГПИ им. В. И. Ленина Барбара Стоун, уже будучи основной музыкальной ведущей русской службы Би-би-си, добралась в апреле 68-го года с очередной группой стажеров в качестве руководителя и на следующий день появилась в постели у Саши Маркова.

Москва. Апрель 1968 года. Кабинет министра культуры СССР

Михаил Андреевич Зубов, старший инженер управления клубной работы Минкульта СССР, молча слушал элегантного министра культуры. Она не сидела за своим массивным столом, расхаживала по кабинету, держа в правой руке толстый, хорошо заточенный красный карандаш «Великан». Рядом с Зубовым стояла Зоя Владимировна Польшина, зам. начальника управления клубной работы. Управлению поручалась разработка приказа о вокально-инструментальных ансамблях.

— Сейчас это самодеятельность с большим идеологическим потенциалом. Поют в большинстве случаев по-английски. Но есть сочинения на русском языке. Вы, конечно, знаете все это.

Нет, Зубов вообще ничего не знал о вокально-инструментальных ансамблях. Он вообще услышал все это сегодня из уст министра первый раз. Ссылки на зарубежный коллектив «Битлз» тоже ничего не дали, и этих он не знал. Баянист по музыкальному образованию, любил принять на грудь и, сидя в трусах и майке на кухне, опустив в таз с горячей водой уставшие за день ноги, наигрывать на баяне «Вальс на сопках Маньчжурии», ну, еще, притоптывая в тазу мокрой распаренной ногой, исполнить «Ландыши» или «Черного кота», потом еще принять на грудь, положить баян в шкаф и пойти спать. И вдруг ансамбли — поют, играют на электрогитарах. Но он молчал, слушал. Создание приказа на контроле у ЦК КПСС.

Министр взяла карандаш, как указку, и, направив его на Зубова, спросила:

— Ну что, Михаил Андреевич, вам ясно, что нужно делать?

А что мог сказать чиновник? Правильно — ответить:

— Ясно, сделаем.

— Ну что же, идите делайте, — сказала министр. — А мы с Зоей Владимировной кое-что еще обсудим.

Зубов в кабинет Польшиной попал где-то через час. В кабинете уже сидел молодой худощавый человек не очень высокого роста.

— Знакомьтесь, — сказала Зоя Владимировна. — Григорий Иванович Свободкин.

Вошла секретарша, а следом за ней мужчина лет 28–30.

— А вот еще один музыкант, — улыбнулась Польшина. — Игорь Степанович Кранов. — Указала на стул: — Садитесь.

Сбитый с толку Зубов тоже присел: «Кто такие?» — пронеслось в голове.

— Ну вот, — сказала Польшина. — Министр сегодня приняла решение о начале работы над приказом о создании системы работы с вокально-инструментальными ансамблями. Вот Михаил Андреевич Зубов отвечает за подготовку этого приказа. А вы должны ему помочь составить список действующих коллективов. Поищите по филармониям, посмотрите самодеятельность, создайте два-три базовых коллектива. Туда привлекайте талантливую молодежь из самодеятельности. На сами коллективы ставку не делайте, самодеятельность — она и есть самодеятельность. Дальше вам надо определиться с системой их выступлений и со ставками. А также дать рекомендации радио и телевидению и фирме «Мелодия», в каких объемах их записывать и передавать по радио- и телеэфиру. Ну вот вкратце и все. Да, чуть не забыла. Зубову министр выделила кабинет триста шестьдесят восемь с телефоном, со столом и машинисткой. Собираться будете там. А у Михаила Андреевича это будет рабочее место.

— Вот ключи от кабинета, — положила перед Зубовым. — А это заявка на мебель, бумагу, ручки, карандаши и прочее. Иди получай.

* * *

Зубов начал приходить в себя только в ресторане гостиницы «Центральная», где Кранов руководил оркестром — бит-группой «Друзья», которой он гордился. Зубов, в пиджаке, в не очень мятых брюках, широко по пупок галстук, невнятной рубашке то ли светло-синего цвета, то ли грязно-серого, ужепил третью рюмку хорошего коньяка, которым его потчевали Кранов со Свободкиным. Под семгу, осетрину, горячего копчения, ему все рассказывали и про рок-н-ролл, буги-вуги там всякие. На утро он с трудом вспоминал, что говорили, но вспомнил, правда, Кранов, тоже баянист, обещал поднести ноты всех этих рок-н-роллов. Просыпаться не хотелось. Может, заболеть? А чем? Голова вроде бы не очень болела, коньяк оказался французским, хотя и две бутылки на троих, но с портвейном не мешали. Вроде ничего. А вот заполировали бы портвейном, тогда было бы намного хуже.

Откинул одеяло. Начал вставать. Пытался вспомнить, о чем говорили, какие такие там ансамбли вспоминали. Встал, прошел на кухню, выпил воды. А, вспомнил! Ведь записал что-то. Стал искать в брюках записку. Теперь бы разобрать. Но не разобралось.

Какой-то Элвис... кто такой? Буги-вуги, рок-н-ролл, битлы... а это кто? Да ну их! Отложил записку, снова прилег и уснул. Проснулся в 11.00. Мать честная! Опоздал ведь! А куда опоздал? Ведь за приказ теперь он отвечал лично. Спросят, конечно, но не завтра. Повернулся на бок и опять заснул. Ничего ему не снилось.

Кранов со Свободкиным сводили Зубова в бит-клуб, в кафе «Молодежное». Здесь вообще все запуталось, смешалось. Два листа из школьной тетради, захваченные из дома, исписаны полностью. Одни названия ансамблей. Говорят, в Москве больше 300. Ну где тут все упомнишь? А еще эти иностранные путаются: «роллинги», «битлзы» всякие... А разговоры какие и о чем? Хрен поймешь. Баянистов нет, одни гитаристы, душу отвести не с кем. Вот Кранов — баянист, техника хорошая, а туда же, в вокально-инструментальные ансамбли подался. И как это вы, Зоя Владимировна, втянули меня в это дело? Пойди скажи кому-нибудь, что не мое это все! Приказ на контроле в ЦК КПСС, назад пути нет. А вперед?

Кабинет № 368 стараниями машинистки, а также методиста Софьи Васильевны Скворцовой приобрел вид настоящего министерского кабинета. А что толку-то? Что со всем этим делать, с этими вокально-инструментальными ансамблями? Папку даже завел, красным карандашом подписал: «Приказ. Вокально-инструментальные ансамбли!» Завязал тесемки, посмотрел на нее. и отложил в сторону.

Как-то в конце апреля Зубову на работу позвонил Кранов:

— Слушай, Михаил Андреевич, мы сегодня приглашены на день рождения к хорошему человеку в кафе «Лесное» в Измайловском парке. Там будет играть группа «Аэропорт». Как, сможешь? Заодно и послушаешь эту группу, одна из лучших! Миша Айзенштадт будет нас ждать.

— А чего подарим? — спросил Зубов.

— Возьмем бутылку, — только и сказал Кранов.

У входа в кафе «Лесное» толпился народ. У многих на руках были пригласительные билеты. Их встретил сам Миша Айзенштадт. Столы были накрыты, приглашенные уже рассаживались.

— Ребята, садитесь вон за тот столик, — сказал Миша.

Пошли, сели. За столом никого не было. Наверное, отпугивала табличка «Для друзей жениха». Чуть подальше Зубов нашел столик с табличкой «Для подруг невесты» и, сбитый с толку, спросил у Кранова:

— А свадьба у кого?

— Да у Остапа Ибрагимовича.

— Ты его знаешь? — только и спросил Зубов.

— Да его тут многие знают, — улыбнулся Кранов. — Вон сколько гостей собралось.

Группа «Аэропорт» уже настраивалась. Кранов достал бутылку французского коньяка. Как раз подошел Миша.

— За что пьем?

Зубов развел руками:

— Вроде как за именинника, у которого свадьба. Как его... Остапа Ибрагимовича.

Миша хохотнул:

— Свадьба у него вчера была. Сегодня день рождения. — Поднял рюмку. — Ну, будем! За Остапа Ибрагимовича.

Выпил залпом. Обычных тостов за именинника, за родителей, за жену не было. Пили, ели, танцевали. «Аэропорт» играл хорошо, громко. Но все на английском. Зубов сытно поел, хорошо выпил. Именинника в тот вечер он так и не увидел, как, впрочем, не увидел и «подруг невесты».

Как он очутился в метро, он помнил смутно, но поезд уже подъезжал к его станции «ВДНХ». Пора было выходить. Вышел, добрался до дома. Почти не раздеваясь, рухнул в постель.

Неугомонный будильник разбудил его все-таки в девятом часу утра. Зубов в беспамятстве с трудом сообразил, что с ним было. Собрался было идти на работу, но листок отрывного календаря подсказал ему: сегодня суббота, а значит, остаемся дома. К 12 кое-как привел себя и мысли в порядок при помощи двух бутылок пива «Московское». День рождения вчера удался. Было весело. А вот именинника Зубов так и не увидел. Айзенштадт, правда, на память написал ему имя и фамилию. Поискал в брюках. Нашел: Остап Ибрагимович Бендер. «Богатый человек, спекулянт, наверное», — только и сообразил Зубов. Такой день рождения себе закатил! Выпил еще стакан холодного пива, а из консервной банки вилкой подцепил пару рыбных тефтелей в томатном соусе по 15 коп. за банку. Вкусно! Да еще с бородинским хлебом. Правда, накануне Миша Айзенштадт умудрился там же, в «Лесном», устроить своим не очень богатым знакомым свадьбу на 150 гостей. От жениха и невесты с родителями, родственниками, знакомыми было всего-то 30 человек, а остальным 120 Миша продал билеты. Всех объединила группа «Аэропорт». Правда, пришли какие-то милиционеры, посидели, послушали. Убедились: невеста, жених настоящие. Выпили за молодых, посидели еще и ушли. А что они могли сказать? Свадьба есть свадьба, многолюдная, но красиво жить не запретишь.

На следующий день в том же «Лесном» был день рождения Остапа Ибрагимовича. Отпраздновали шумно, весело. Все были

довольны. Музыканты за два дня заработали по 160 рублей каждый.

Утром в понедельник Зубов с тупым видом со своих записочек переписывал на чистый лист бумаги названия ансамблей: «Мозаика», «Ребята», «Сокол», «Аргонавты», «Аэропорт», «Скифы», «Тролли», «Славяне», «Грецкие орехи», «Кентавры». Зубова как-то резко повело в сон. Зевнул. Еле удержался на стуле. Дверь внезапно открылась, в кабинет вошла Зоя Владимировна Польшина.

— Ну, как дела с приказом?

Машинистка и методист Софья Васильевна Скворцова кивнули на стол Зубова, на его папку с тесемками и ответили:

— Вот, работаем над списками коллективов.

Польшина, видно, шла мимо, зашла не специально. Посмотрела на Зубова:

— Ну что же, не затягивайте, а то сама уже интересовалась.

Польшина ушла так же неожиданно, как и пришла. В комнате все посмотрели на Зубова. Он как-то неуверенно взял свои полумятые, полуразорванные записки и сам себе сказал вслух:

— Вот работаем. Материал-то уникальный.

Но его уже никто не слушал.

Скворцова из-под каких-то министерских бумаг достала журнал с «Мастером и Маргаритой» и углубилась в чтение. А машинистка продолжила печатать «халтуру», которой у нее было в избытке.

«Молодец Зубов, — подумала Польшина. — Организовал людей, вот сидят, работают».

В коридоре ее кто-то отвлек, и через минуту она уже забыла про Зубова.

Польшина соврала Зубову. Министру в данный момент все эти ансамбли были безразличны. Она вчера была у Генерального секретаря ЦК КПСС и получила его согласие на организацию в Москве концерта английских «Битлз». Вот что ее сейчас волновало. Она искренне хотела, чтобы граждане нашей страны познакомились с творчеством этой выдающейся группы. Она искренне считала, что эстраде в нашей стране легче будет развиваться в современном стиле. Министр культуры действительно переговорила с Брежневым, объяснив ему и мрачно сидевшему в кабинете генсека Суслову, кто такие «Битлз» и каково их значение для мировой культуры. Ни Брежнев, ни Суслов особенно-то и не возражали. От них это было очень далеко. Ну хочет министр культуры пригласить какой-то там ансамбль, пусть приглашает. Про «Битлз» они ничего не знали, а к рассказу министра культуры отнеслись как к ее очередной

причуде.

— Ну ладно, — посмотрев на часы, сказал, вставая, генсек, — приглашай, если считаешь нужным.

Через час у Генерального секретаря была назначена встреча с Яношем Кадаром, Генеральным секретарем Венгерской социалистической рабочей партии. В Чехословакии не все было в порядке, что-то там местные товарищи недоработали. Хотелось посоветоваться с Яношем Кадаром.

— Ладно, приглашай, — еще раз сказал генсек.

С «Битлз» ему было все ясно, а вот с Чехословакией не так все просто.

Министр культуры попрощалась и поехала к себе на улицу Куйбышева в полной уверенности в том, что сделала нужное для страны и ее культуры дело.

* * *

Утром Зубов по дороге на работу в магазине «Канцтовары» купил пачку бумаги. Сидя в кабинете, пока никого не было, распаковал, часть положил в папку с надписью красным карандашом «Приказ о вокально-инструментальных ансамблях», а часть убрал в стол. Папка сразу стала выглядеть солидно: работают люди. Сверху — списки ансамблей из архива горкома комсомола. Дальше — невнятные записи самого Зубова. Еще дальше — бумага, много бумаги. Разглядел папку, затянул покрепче розовые тесемки. А зря. Методист отдела принесла ответы филармоний на запросы Минкульта. Не читая, Зубов положил все в папку. Завязал опять тесемки и пошел покурить. Вернулся как раз вовремя, минут через 40. Кто-то из клиентов машинистки Верочки Васильевой принес торт «Киевский». Сидели молча, пили чай. Верочка, чайной ложечкой кроша безе «Киевского» торта, спросила:

— Михаил Андреевич, а правду говорят, что эти самые «Битлз» — братья «Роллинг стоунз»?

«А хрен их знает», — подумал про себя Зубов, но вслух ответил:

— Не факт, вряд ли. Вот Марков из бит-клуба придет, у него и спросишь. Он точно знает.

* * *

Где-то в конце мая Полынина проинформировала Зубова о

желании зав. отделом культуры ЦК КПСС послушать его, Зубова, отчет о проделанной работе в свете издания приказа Минкульта об упорядочении работы с вокально-инструментальными ансамблями. В душе Зубова начиналась паника. Он, только он один, знал, что приказа нет и не было. Были списки коллективов, зарегистрированных у комсомольцев в бит-клубе, что-то обнаружилось в филармониях. Но не было приказа, не было руководства к действию. Что со всем этим делать и, главное, как?

На помощь пришла методист Софья Васильевна Сковрцова. Она принесла из соседнего управления приказ о создании системы работы с коллективами балльных танцев. Машинистка Верочка напечатала проект приказа. Убрав «балльные танцы», написали «вокально-инструментальные ансамбли». В последний момент вычеркнули и фразу «Тапочки и балльные платья в отдельных случаях приобретаются за счет участников кружков». Верочка также перепечатала все списки филармоний и списки комсомольцев, их подкололи большой скрепкой к проекту приказа. И вроде все стало выглядеть нормальным проектом министерского приказа. Зубов все сложил в свою папку. Внизу — бумага, сверху — проект приказа.

В ЦК КПСС с проектом приказа согласились, указав, что надо добавить и на что обратить внимание. Выйдя из ЦК, Полюнина и Зубов разошлись. Зоя Владимировна подбодрила Зубова:

— Ну, все нормально. Продолжайте работать, собирать материал. — И попрощалась. Пошла к метро.

Зубов посмотрел на свою папку, улыбнулся и поехал в «КМ» собирать материал. Показал папку Сушкину и Маркову. В этот момент он гордился собой. Подошел Миша Айзенштадт, повертел в руках приказ, посмотрел на синюю папку с розовыми тесемками.

— Ну что, — сказал он, — это дело надо отметить.

Заказали коньяк и шампанское. Затем подсели Кранов со Свободкиным. Зубов, в который раз упиваясь сознанием собственного величия, приукрашивая события, в пьяном задоре рассказывал Кранову и Свободкину о своем посещении ЦК КПСС. Конечно, Зубова там внимательно выслушали, согласились с его предложениями. Все это он в который раз рассказывал Кранову, который согласился проводить его до метро. Кранов и постоял на перроне, посмотрел, как Зубов вошел в вагон, нежно прижимая к груди синюю папку с розовыми завязками, сел, и голубой вагон умчал Зубова в чрево Московского метрополитена.

Часов в 5 утра хмель отошел от Зубова. Впрочем, и благодушное настроение тоже. Папки синей с розовыми завязками в квартире нигде не было. А где же она? Квартиру

нервно обыскал. Нет — и все тут. Прилег в постель и тут же забылся тяжелым неопохмеленным сном.

Накануне симпатичная высокая стройная девушка, выходя из вагона метро на станции «ВДНХ», пыталась вручить сильно выпившему гражданину забытую им в вагоне синюю папку с розовыми тесемками. Станция конечная, толпа подхватила Зубова (подвыпившим гражданином был он) и по эскалатору понесла вверх, на выход. Девушка последовала за ним. Но, выйдя из метро, не нашла мужчину, забывшего папку. Остановилась у фонарного столба, при его тусклом свете развязала тесемки, открыла папку и тут же ее закрыла. О том, что в ее руках окажется проект приказа о создании вокально-инструментальных ансамблей Министерства культуры СССР, Барбара Стоун, стажер МГПИ им. Ленина, ведущая музыкальных программ русской службы Би-би-си, даже не могла и мечтать. Она возвращалась в институтское общежитие. Послезавтра в Лондон, а тут такой подарок. Оглянулась: нет ли вокруг мужчины в мятом коричневом кримпленовом костюме с рубашкой, наполовину вылезшей из брюк? Нет, вокруг не видно. Папку быстро спрятала в сумку, поймала такси и через минут 30 уже была в английском посольстве.

Папку показала советнику посольства по вопросам культуры и образования. Хотя и поздний час, но у того пропал сон, когда он ознакомился с содержимым смешной на вид папки. Внимательно с Барбарой изучив документы, разбудил одного из референтов посольства и распорядился утром при первой okazji отправить документы в Лондон.

* * *

Утром Зубов позвонил на работу, сказал, что приболел и будет послезавтра. Повесив трубку, полез в холодильник, где было что выпить и чем закусить, забыв про неписаное правило «неправильная опохмелка ведет к запою». Выздороветь так сразу Зубову не удалось, и еще пару вечеров его соседи могли наслаждаться баянными вариациями на тему «Вальса на сопках Маньчжурии».

От Полыниной министр культуры знала, что визит в ЦК КПСС закончился в принципе положительно и что Зубов Михаил Андреевич вплотную занимается приказом. Сейчас, правда, приболел. Но это ведь не надолго.

Министра приказ никак не волновал. Занимается им кто-то, ну и ладно.

В июле 68-го года министр культуры СССР приняла английского импресарио Вика Льюиса и согласовала с ним сроки и место концерта «Битлз». 22 ноября, концертный зал «Россия», причем 22 ноября — это было пожеланием «Битлз». В этот день должна была выйти их новая долгоиграющая пластинка, и им очень хотелось, чтобы это было мировой премьерой. Вик Льюис передал список песен, которые они хотели бы исполнить в Москве. Об одном Льюис умолчал: «Битлз» не выступали перед публикой с 29 августа 1966 года.

Последний раз они вышли на сцену в Сан-Франциско в парке «Кэндэл стик» и в Москве планировали возобновить свою концертную деятельность. Но это мало волновало министра. Ей нужен был концерт «Битлз» в Москве, ей нужен был ориентир для своих домашних коллективов, неумело копировавших английских музыкантов. В конце июля она отправила в ЦК КПСС все материалы, которые ей передал Вик Льюис, и, не думая больше ни о чем, уехала в отпуск.

Зубов с приказом остался один на один. Но он как-то успокоился, хотя в душе стал ненавидеть все эти ансамбли. Машинистка Верочка отпечатаала ему заново все документы, включая и проект приказа. Своим-то он все объяснил: оставил, мол, все в ЦК КПСС. Себе купил точно такую же, как ему казалось, голубую папку с розовыми тесемками и набил ее чистой бумагой. На папке зеленым карандашом (красного под рукой не было) написал: «Вокально-инструментальные ансамбли». Сверху положил восстановленные Верочкой проект приказа и списки вокально-инструментальных ансамблей. Внешне все выглядело прилично. В первые дни он еще ждал звонка: вдруг позвонит тот, кто нашел папку. Но, видно, в Лондоне, в МИ-6 (а папка попала именно туда), решили не тревожить Зубова. Он подождал немного, положил папку в сейф, запер его и уехал в отпуск. Гори оно все ярким пламенем!

Чиновничьи страсти не касались участников многочисленных групп и ансамблей, они жили своей жизнью, учились в институтах, встречались с девушками, репетировали и играли свою любимую музыку, им никто ничего не запрещал, но, правда,

и не разрешал; для них чиновников как бы и не существовало все, это было там, где-то наверху. Но и для чиновников всех этих ансамблей тоже не существовало, не существовало бигбита и рок-н-ролла. Им это зачем? Незачем! Советский народ и без этого поднимал целину, варил сталь, собирал урожай, летал в космос, ходил на партсобрания. Зачем ему этот рок-н-ролл? Чиновники были уверены, что незачем! У нас в Советском Союзе и так очень сильная эстрада, и без этого рок-н-ролла. А какой у нас балет!

* * *

Сережа Костров заканчивал МГИМО, играл в группе, встречался и спал с девушками своего круга — дочерьми дипломатов и работников Внешторга. Особенно ему нравилась Ольга Кузнецова, умная, хитрая девушка, не без стержневости, и ей тоже нравился Сережа Костров, но она прекрасно понимала, что он — не для ее семейной жизни. И как-то в конце апреля 68-го года, переспав с Костровым в его квартире, отвергла его предложение поехать завтра на день рождения к Мише Машкову, хорошему приятелю Кострова, участника группы «Тролли».

— Почему? — спросил Костров.

— Да я завтра замуж выхожу. Вот так Сережа, — сказала она, закулив сигарету, — ему двадцать семь лет, работает в МИДе, в сентябре уезжает работать в Канаду, в посольство, в ранге первого секретаря, ему нужна жена, а я тут как тут. Ты не обижайся, расстанемся друзьями.

Она уже стала одеваться, натянула джинсы и вдруг остановилась с кофтой в руках, словно вспомнила то, что давно хотела сказать Кострову. Подошла близко, Костров скосил глаза на грудь. Она как бы не заметила этого.

— Ты помнишь сочинение на экзамене в институте?

— Да, помню, — сказал Костров, все еще не отводя глаз от ее мощной груди (все-таки пятый номер).

— Ну так это я тебе исправила. Ну все, Сережа, пора. Между нами теперь нет секретов, все выяснено!

Она улыбнулась, надела кофту. Потянуло духами.

«Клима», — подумал Костров.

Ольга была уже у вешалки, надела кожаную куртку, которую привезла из Парижа.

«Хороша, сексуальна», — только и подумал Костров.

Ольга сама открыла дверь, вышла на площадку.

— Ну все, Сережа, не переживай. Если что не так — прости.

Вызвала лифт — и все, закрыла дверь. Лифт спустился на

первый этаж. Дверь открылась, закрылась. Легкие шаги на первом этаже. Скрипнула входная дверь. Ну вот и все, была Ольга Кузнецова — да ушла.

* * *

Но жизнь продолжалась. Костров не очень-то задумывался о своей судьбе, надеясь на связи отца. Но судьба сама задумалась о Кострове и распорядилась по-своему.

Ирине Ивановне Черновой, студентке 1-го «меда», понравился стройный симпатичный Сережа Костров. Он вернулся с практики из Англии, впечатления переполняли его. Рассказчиком он был неплохим и в гостях у своей сокурсницы, студентки МГИМО, очаровал Ирину Ивановну Чернову, подругу своей сокурсницы. Длинноногая брюнетка Ира Чернова увлекалась музыкой, ей нравилось ходить с Костровым на выступления, быть в компании музыкантов. Коля Зайцев, соло-гитарист «Виражей», который, как ему казалось, знал все про всех, увидев как-то Кострова с Ириной, только и сказал:

— Ну ты даешь! Знаешь, кто такая? Отец у нее кто?

— Вроде где-то в МИДе, — сказал Костров.

— Фамилия у нее Чернова.

— Ну и что? — спросил Костров.

— Будто ты не знаешь? — ехидно улыбнулся Зайцев. — Чернов Иван Алексеевич — завсектором международного отдела ЦК КПСС.

Так судьба распорядилась первыми самостоятельными шагами Сергея Александровича Кострова. Родители тут оказались ни при чем.

* * *

Зубов отдыхал в Пицунде в Доме творчества ВТО. Разместили его в одноместном номере «сталинского корпуса» с пальмами, ковровыми дорожками на этажах, колоннами и большими креслами в холлах 1-го этажа. Сам же Михаил Андреевич на отдыхе ходил в китайской полосатой пижаме, в сандалиях «Скороход»; иногда, выходя за территорию, брал с собой старый кожаный портфель, в который как раз вмещалось 4 бутылки любимого портвейна «777». Магазин недалеко от входа, туда и обратно с портфелем получалось, как казалось Зубову, солидно. Вечером, вкусив любимого напитка, брал баян и удалялся на

окраину роскошного субтропического парка, и звуки вальса «На сопках Маньчжурии» разносились в лучах южного заката. Иногда, правда, Михаил Андреевич откладывал баян и добавлял в организм любимый напиток. В этот момент он вдруг вспоминал о вокально-инструментальных ансамблях, о потерянной голубой папке с розовыми завязками. Злость вымещал на пальме, по которой, стуча, приговаривал: «Папку отдайте, сволочи!» Затем успокаивался — и вновь вальс «На сопках Маньчжурии» звучал в отдаленном уголке субтропического парка.

И вдруг однажды — знакомый вальс, а на зубовской скамеечке девушка-блондинка с баяном, в короткой юбке и кедах на босу ногу. Они играют в два баяна, даже не познакомившись. 22-летняя Люся Калинкина, пескоструйщица 5-го разряда из Братска, победительница конкурса самодеятельности. Портвейна она не пила, предпочитала водку, ни о каких «Битлз» она не слышала, а гитару, и то акустическую, видела один раз в магазине, когда покупала баян.

Вокруг Пицунды было много различных баз отдыха московских вузов, а в них — бит-группы. Они отдыхали, репетировали и, конечно, играли на танцах. Зубов пригласил на танцы Люсю, но группа «Аэропорт», на которую они ходили, ей не понравилась — громко, одни гитары, ни одного баяна, и потом, все поют на иностранном. Михаил Андреевич сказал, что на английском, что сейчас модно. Но у них в Братске все пели на русском. Да и сама Людмила Георгиевна Зыкина, выступая в Братске, все пела по-русски. А тут иностранщина какая-то! Это она и сказала Зубову, когда они распили бутылку марочного коньяка и стали обсуждать, нужны ли советскому человеку все эти ансамбли.

Тут они разошлись с Люсей. Люся считала, что нет, а вот Михаил Андреевич выражал мнение Минкульта, ЦК КПСС. С этой категорией надо работать, ну а что Люся там, в Братске, на своей ГЭС, знает? Директивы и мнения ЦК КПСС туда не доходят. Это он и сказал ей, откупоривая вторую бутылку марочного коньяка.

Через день Люся уехала домой, а через два дня Зубов улетел в Москву. Обменялись адресами, обещали писать друг другу. Отпуска кончились.

* * *

Вернулся в Москву. Опять вся эта круговерть с ансамблями. Уже и телефонную трубку брать не хотелось, и звонок у телефона был какой-то противный. Вот в соседнем управлении появились

гэдээровские аппараты.

Все-таки поднял трубку.

— Михаил Андреевич, здравствуйте.

Это звонил Глебов Роман Владимирович — инструктор отдела культуры ЦК КПСС.

«Его только не хватало», — подумал Зубов, но в голосе прозвучала теплота:

— Здравствуйте, Роман Владимирович. Когда в отпуск? Я вот свой отгулял.

— Да вот с понедельника собираюсь, — ответил Глебов, — надеюсь, что со свежими силами вы продолжите работать над приказом?

— Конечно, а как же... — ответил Зубов и начал было уже перечислять, что собирался сделать, но Глебов его перебил:

— Михаил Андреевич, я ведь не собираюсь вас контролировать, мы вам доверяем. Я позвонил сказать, что с понедельника я в отпуске. Мы не сомневаемся, что результат будет. Дерзайте, у вас получится. До свиданья!

— До свиданья, Роман Владимирович, хорошего вам отпуска!

Положил трубку. Со злости стукнул кулаком по столу. Противным звонком телефон вернул его к действительности.

— София Васильевна!

— Да, — встрепелась начавшая было дремать методист Скворцова.

— Софья Васильевна, пожалуйста, напишите заявку на новый телефонный аппарат, желательно производства ГДР.

— А я вам и без заявки поменяю, несите бутылку монтеру. Вызовем, покажем — он и заменит.

«Как просто», — продумал Зубов.

Закрыв дверь, из сейфа достал, как он говорил, «энзе» — бутылку «Столичной» за 3 рубля 7 копеек.

— Сделаем, — сказала Скворцова, убрала бутылку в стол и пошла искать монтера.

— Ну ладно, — сказал Зубов, — пойду к Полининой.

* * *

22 августа английские газеты только и писали о том, что русские танки вошли в Чехословакию, в Прагу. А Синтия Леннон, жена Джона Лен-нона, обвиняет его с супружеской неверности и подала в суд заявление на развод. Йоко Оно добилась своего: Джон был холост, теперь надо было его обженить на себе. Пресса смаковала все: советские танки в Праге и развод Джона. Он

созвонился с Полом и Джорджем, договорились встретиться в студии, хотелось записать что-то, чтобы отвлечься.

«Back in the USSR» уже была почти готова, текст отшлифован, осталось записать. В студии уже все было готово, гитары настроены. Джордж и Пол на месте. Не было Ринго. Джон взял гитару, проверил настройку, спросил, где Ринго.

— А Ринго ушел из группы, — довольно зло сказал Джордж. Бардак в группе ему так опротивел.

— Ладно, — сказал Пол, — запишем песню, барабаны наложим после.

Джон никак не реагировал, подбирал аккорды, ему как-то было все равно: и советские танки в Праге, и развод с Синтией Леннон, и уход Ринго. В лице Йоко Оно он нашел родственную душу, пусть даже очень странную, но родственную. С ней было интересно, Пол, с которым он дружил много лет, ему уже казался обычным обывателем. Йоко затмила всех, с ней он стал чувствовать себя гением, недостаточно оцененным ближайшим соратником по группе.

Песню «Back in the USSR» записали где-то к 2 часам ночи, послушали дубли с Джорджем Мартином, продюсером. Прикинули, что можно было бы оставить.

— Кстати, мне сегодня днем звонил Вик Льюис, — сказал Джордж Мартин. — Он был в Москве, с Советами договаривался. Вы будете выступать двадцать второго ноября в концертном зале в двух шагах от Кремля. Завтра все бумаги будут у меня.

— Ну завтра тогда и поговорим, — сказал Джон, встал и, ни с кем не общаясь, пошел из студии.

Пол и Джордж пили черный индийский чай, заваренный инженерами звукозаписи, вприкуску с хорошим малосолёным крекером.

— Что это с ним? — спросил Мартин.

Пол пожал плечами:

— Йоко Оно. — Только и ответил.

Допили чай, еще раз прослушали запись песни. Часам к пяти стали собираться.

Последнее время они все больше работали по ночам, отсыпаясь днем. Ночью студии пустовали и можно было использовать их как нужно и сколько нужно, что они и делали. Джордж записывал свои песни в одной студии, Джон — в другой, а Пол занимал третью. Потом все сводили в четвертой. Их будущая долгоиграющая пластинка была плодом индивидуального творчества. Но сегодня, перед визитом в СССР, начав в 18.00, они записали песню втроем, причем сразу все получилось неплохо.

В чем-то они подражали «Бич Бойс», в чем-то Чакк Бэрри, но при всем при этом оставаясь «Битлз», все еще лучшими из лучших в мире.

* * *

В начале сентября 1968 года министр культуры СССР вышла из отпуска. На столе уже лежала программа выступления «Битлз» в Москве 22 ноября. К программе были подколоты тексты песен. Всего 16, плюс 4 песни на «бис». Все песни перевели на русский язык, и на каждом листе штамп «Главлит СССР».

«Ну вот, — подумала министр, — к концерту «Битлз» все готово».

Из папки взяла приказ «Об организации концерта английского ансамбля «Битлз» и подписала его.

* * *

Весь сентябрь «Битлз» работали в студиях ЕМІ, записывая песни для новой долгоиграющей пластинки, названия которой пока не было. Хотели было назвать «Back in the USSR», но английское правительство на закрытом совещании не рекомендовало «Битлз», английской группе, лучшей в мире, выступать в стране, чьи танки разъезжали по Праге. По большому счету расстроились только Пол Маккартни и министр культуры СССР. Остальным участникам группы это было как-то все равно. Это Пол хотел, чтобы группа возобновила выступления в концертных залах. Москва подходила идеально, но против решения кабинета министров возражать не имело смысла.

В СССР, пожалуй, никто не огорчился, потому что толком даже и не знали о визите «Битлз». Афиши предполагалось расклеить за две недели. А передача о «Битлз» должна была прозвучать в радиоэфире накануне визита; также накануне визита планировалось появление статей в «Неделе» и «Труде». Ну не приедут — так не приедут, на радио и в газетах не очень-то и расстроились. И без «Битлз» было о чем говорить и писать, трудовых подвигов и научных достижений в Стране Советов по-прежнему было много. Ну а культурная жизнь тоже не стояла на месте, и у нас, в СССР, тоже были свои «звезды».

Москва. Ноябрь 1968 года

Первый же телефонный звонок рабочего дня во вторник поверг Зубова в трепет. Звонили из ЦК КПСС, из отдела культуры. Завотделом собирался вечером в кафе «Молодежное» послушать выступление самодеятельных групп. Зубов даже не знал, кто сегодня выступает, но его не спрашивали: придет — и все.

Позвонил Маркову — нет дома, в институте. Позвонил Сушкину в комитет комсомола радио и телевидения — не приходил еще. Просил срочно позвонить Зубову в Минкульт СССР. Так и сказал: «В Минкульт СССР» — для солидности. Ох до чего ему опротивели эти ансамбли! Всему этому, казалось, не будет ни конца ни краю. Скорей бы подготовить приказ.

Когда Зубов вконец извелся, позвонил Марков.

— Ну наконец-то, — зло сказал Зубов, — нельзя было позвонить пораньше?

Он недолюбливал Маркова за его обширные знания, которых у Зубова не было. Да и Марков не очень-то чтит Зубова, называя его про себя «лимитой» и «деревней».

Ответил тоже резко:

— А я, Михаил Андреевич, между прочим, учусь, и у нас в аудиториях телефонов нет.

— Ладно, — сказал Зубов. — Кто сегодня выступает в «Молодежном»? Из ЦК приедут послушать, а я не в курсе, как же так?

Марков знал, кто будет выступать, но хотел проучить Зубова, который уже стал поучать, что кому и как надо делать, что играть и петь.

— Списки у Сушкина, надо уточнить у него, — сказал он.

«Сушкина нет на работе!» — чуть было не закричал Зубов, бросил трубку, со злости стал набирать Сушкину — нет на работе. Дозвонился около четырех и, срываясь на истерику, стал рассказывать про ЦК, про завотделом, жаловался на Маркова, стал выговаривать Сушкину, что его не проинформировали, что он не в курсе, а ведь он отвечает за приказ Минкульта СССР.

Сушкин, который уже успел насмотреться всякого начальства, и радийного, и телевизионного, успел послушаться всяких наставлений и поучений от людей поумнее Зубова, ответил:

— Ну а если вы за это отвечаете, приходите к нам почаще, интересуйтесь, а я не работаю в Мин-культе СССР. — И повесил трубку.

Зубов этого не ожидал, вопрос застрял в горле: «Кто сегодня

выступает?» Но ответа уже не будет. Он еще раз набрал Сушкина. Вежливый женский голос ответил, что Михаил Валентинович уехал в Останкино, а оттуда уедет в кафе «Молодежное» и сегодня уже вряд ли вернется на Пятницкую, где, собственно, и был комитет комсомола.

Зубов не умел разговаривать с людьми ни по телефону, ни при прямых контактах. Он бросил трубку, так и не ответив девушке в комитете комсомола на вопрос, что передать Михаилу Валентиновичу. Зубов нашел телефон Миши Айзенштадта, тот ему узнал, что сегодня вечером выступают «Тролли» и «Ветры перемен».

— Спасибо... — только и выдавил из себя Зубов.

Повесил трубку, про себя подумал: «Что за названия, мать их так?» Тролли, ладно, это он знал — скандинавские существа. А «Ветры перемен» — что за крамола? Ветры каких перемен, интеллигенты хреновы? Начитались книжек! И вообще, что ему делать вечером в «КМ»? В поп-музыке он как не разбирался, так и не разбирается. Ансамблей московских тоже не знал. И что? Идти в кафе, чтобы ляпнуть на глазах у товарищей из ЦК КПСС что-нибудь невпопад? Так этот Сушкин враз высмеет, у него не задержится. Лучше не ходить сегодня, пусть сами послушают. А коммунист Зубов пойдет на партсобрание управления, с которого уже хотел было отпрашиваться. Спросят, где был, — на партсобрании, причина уважительная.

Сушкин подъехал в «КМ» где-то около 7 часов. Музыканты из группы «Тролли» уже настраивали аппаратуру. Миша позвал командира комсомольского оперотряда, который обеспечивал порядок в кафе «Молодежное», объяснил, кто приедет, попросил лишних никого не пускать, предупредил, что Марков вот-вот подъедет с девушкой. Официанток попросил сдвинуть два столика в центре зала, сходил к директору, взял две таблички «Занято», пошел на кухню, где ему уже изжарили яичницу-глазунью, сварили вкусный кофе и сделали бутерброд с хлебом с маслом и черной икрой. Сел в подсобке и с аппетитом съел все и выпил кофе с очень свежим эклером.

Марков пришел в половине восьмого с очень симпатичной Наташей Хряневой, солисткой ансамбля Моисеева, с которой встречался всякий раз, когда ансамбль не был на гастролях, — сегодня как раз такой случай. Но через пять дней «моисеевцы» уезжали в Латинскую Америку на три месяца, и Наташа решила эти дни провести в компании Маркова. Оба любили музыку, собирали пластинки. Маркову также нравилась высокая стройная девушка, которая хотя и была на пять лет старше его. Но вместе оба, высокие, стройные, они выглядели как одногодки.

Войдя внутрь кафе, Саша помог Наташе раздеться. Мужским взглядом оценив ее ладную стройную фигуру в красивом вязаном не у нас свитере, темной, не очень длинной юбке и черных сапогах новомодного заграничного образца.

— Ну что ты, старик, здесь стоишь?

К Саше откуда-то сзади подошел невысокий коренастый Миша Сушкин.

— У нас за столиком есть как раз место для твоей девушки. Пойдем-пойдем, и тебя пристроим.

Устроились за тем самым столиком недалеко от сцены, который Сушкин приготовил для сегодняшних гостей.

К Маркову, прихрамывая, подошел Миша Машков, ударник и руководитель группы «Тролли» и, показывая на сцену, не без гордости сказал:

— Посмотри, какой аппарат поставили, усилители все сами сделали.

На сцене тоже были самодельные колонки, ударная установка «Премьер» и отличные микрофоны «Филипс» на фирменных стойках. Впрочем, Машков у столика не задержался, его позвали на сцену, что-то там не ладилось. Гости из ЦК КПСС — заведомо культуры и инструктор этого отдела Глебов Роман Владимирович — появились как раз тогда, когда «Тролли» начали свое выступление.

Тем временем в Англии увидела свет новая долгоиграющая пластинка «Битлз», за белый цвет двойного альбома прозванная журналистами «Белый альбом».

1 января 1969 года «Битлз» соберутся вместе в павильоне киностудии. Идея была простой: снять фильм о том, как «Битлз» записывают новую долгоиграющую пластинку. Надо было быть самими собой, просто играть и петь, а камеры зафиксируют, как все происходило. Но громадный неуютный павильон сразу стал раздражать всех. Раздражала и Йоко Оно, молчаливо сидящая рядом с Джоном Ленноном. Это все повторялось изо дня в день. Пол и Джордж возмутились:

— У нас никто никогда не присутствовал на записи и репетициях, десять лет назад договорились — никаких подруг и знакомых!

Джон только улыбнулся:

— Это ж Йоко.

В довершение Пол постоянно поучал Джорджа, как ему играть и что играть. Все это снималось на пленку, в том числе и фраза Пола: «Если так, как я тебе сказал, играть не можешь, лучше вообще не играй».

17 января Джордж встал и пошел к выходу, бросив на ходу:

— Я уйду из группы.

Вечером он уже был в Америке у Боба Дилана. Позвонившему Полу Маккартни, попытавшемуся уговорить его вернуться, только и сказал:

— Да надоело мне это все! Холодный павильон и Йоко Оно действуют угнетающе.

Из павильона киностудии переехали на Эбби-роуд, в студию ЕМІ, где было уютно и все знакомо. Операторам киностудии дали команду Йоко Оно стараться не снимать. Харрисона удалось уговорить вернуться. Съемки и запись альбома продолжили. Когда начали снимать, то планировали в павильон пригласить зрителей и несколько песен исполнить «живьем» — своеобразный концерт на публике. Но из павильона ушли, концерт явно не получался, публику уже не соберешь. Но заканчивать фильм и запись надо было, и вдруг решили в последний день съемок, 30 января, подняться на крышу офиса компании «Эппл», их компании. Установили камеры и аппаратуру, и «Битлз» сыграли 5 песен «живьем». Больше не получалось — соседи позвонили в полицию, которая появилась на крыше и потребовала прекратить

нарушать общественный порядок. Внизу собрались прохожие послушать «Битлз». Улицу заблокировали, а это уже непорядок. На следующий день все снятое и записанное положили на полку: никому этим кошмаром заниматься не хотелось, написали фломастером на коробке «Let it be» — и все.

Пока все.

Москва. Февраль 1969 года

Михаил Андреевич Зубов без особого ущерба для своего здоровья пережил встречу нового года и вплотную занялся изданием приказа о вокально-инструментальных ансамблях. Министр культуры после неудачи с концертом «Битлз» как-то охладела к этому жанру. Однако после звонка из ЦК решила поговорить лично с Зубовым в ее просторном кабинете. Перед ней предстал перепуганный чиновник в мятом пиджаке и неглаженных брюках.

— Ну, что у нас с приказом? — спросила министр.

— Работаем, проект приказа готов, прорабатываем и согласовываем приложения.

— Долго что-то вы со всем этим возитесь, — сказала министр.

— Да материал сложный, никто этим не занимался раньше, — скорее, пролепетал, чем сказал Зубов.

— Ну да, конечно, — сказала министр с задумчивым видом.

Посмотрела на Зубова, словно вспоминая, зачем он здесь.

— Позвоните к себе в кабинет, пусть принесут материалы по приказу.

Минут через пять Верочка, запыхавшись, принесла в приемную голубую папку «Вокально-инструментальные ансамбли», которая, как всегда, без дела лежала у Зубова на столе. Теперь она лежала на столе у министра культуры СССР. А рядом стоял Зубов, теперь он уже не знал, кто он и что будет делать завтра, когда его уволят. Но министр неожиданно для Зубова посмотрела на часы и встала:

— Ну ладно, Михаил Андреевич, мне пора, обещала заехать в «Современник» — ждут!

Зубов добрался до дома в полнейшей панике. Он даже не сомневался — его уволят. Министр, наверное, уже обнаружила в папке чистые листы бумаги. Материалов толком там и не было. Так, переписка с филармониями, данные от ЦК ВЛКСМ, ну так, по мелочи. Даже горячая вода в тазике, босые ноги и вальс «На сопках Маньчжурии» не успокаивали Михаила Андреевича. Не помогла и бутылка водки, выпитая почти залпом. Ночью ему снились гитаристы, много гитаристов и где-то вдалеке один ударник.

Зубов каждый день приходил на работу, ожидая, что его вот-вот вызовут к министру или хотя бы к Польшиной. Но никто никуда не вызывал. Министр, правда, пригласила через три дня

после беседы с Зубовым Польшину и, ничего не говоря, протянула ей увесистую папку — 10 листов, имевших отношение к проекту приказа. Польшина отложила в сторону остальные листы, абсолютно чистые, посмотрела на министра.

— Да-да, — сказала она, — чистые листы. Ты почитай проект приказа.

Польшина пробежала глазами напечатанное. Все было бы ничего, только вот удивила фраза «тапочки и бальные платья в отдельных случаях приобретаются за счет участников кружка».

— Как тебе насчет тапочек? — спросила министр.

— Никак, — сказала Польшина, — эта фраза из приказа о бальных танцах, непонятно, при чем тут вокально-инструментальные ансамбли.

— Морочил он голову и нам, и ЦК КПСС, и комсомольцам, — зло сказала министр.

— И что теперь делать? — спросила слегка побледневшая Польшина.

— А ничего особенного, приказ надо издавать. Зубова отстранить. Где он у тебя до этого работал?

— Занимался кружками баянистов в отраслевых клубах, — как-то отрешенно сказала Польшина.

— Ну пусть и дальше ими занимается.

— Ну а с приказом как? — спросила Польшина.

— Не знаю, буду думать. Ты, конечно, мне подсунула этого Зубова, не умен — надо признать, — сказала министр.

— Да так, вроде ничего был.

— Ну, может, среди баянистов и ничего, а здесь публика иная, творческая, интеллигентная. А что поют, что играют? Все ведь надобно упорядочить, кому что делать, телевидению и радио, кого записывать на пластинки. А твой клоун в мятых штанах что сделал? Дурачил всех.

— С бальными тапочками — это, наверное, не он, машинистка Верочка виновата, — предположила Польшина.

* * *

То, что рассказала Верочка, потрясло министра и Польшину. Оказалось, что папка у министра была не та, с которой Зубов ходил в ЦК, ту, синюю, он потерял, а Верочка перепечатала все документы заново. Про вокально-инструментальные ансамбли — это Зубов ей велел вместо «кружки бальных танцев» печатать «вокально-инструментальные ансамбли», а про «тапочки и бальные платья» ничего не было исправлено, так и напечатала.

Еще минут 10 послушали Верочку, а затем еще 10 минут молчали. У министра только и было мыслей, что хорошее дело окончилось аферой, надо выкручиваться, но как? На этой липовой голубой папке сошлось слишком много глаз. Интересно, куда же делся оригинал?

— Ну и что мне с этим всем делать? — спросила министр. — Где приказ? Ты начальник управления, тебе и отвечать.

Пододвинула ей папку:

— Забирай, это все твое. Вот что, Зоя, мне нужен приказ, что хочешь, то и делай, но через неделю представишь план мероприятия и познакомишь с исполнителем. Все, мне не до тебя! — довольно зло сказала министр.

* * *

Приказом по вокально-инструментальным ансамблям поручили заниматься Инессе Михайловне Соловьевой, опытному чиновнику 50 лет, бабушке двух внуков, любителю породистых собак и дачного участка. Ну какой тут биг-бит и рок-н-ролл. Пять лет до пенсии, а тут... Съездила в кафе «Молодежное», послушала самодеятельность. Для 50-летней бабушки двух внуков шумно и очень громко, к вечеру разболелась голова. Нет, пусть всем этим занимаются филармония, музыканты, оформляются как положено и получают 4 руб. 50 коп. за концерт, а что играть, им подскажет худсовет. Какие ансамбли были в списках филармоний, такие и включила в приложение, добавив ансамбль Свободкина «Веселые гитары» и «Друзья» Игоря Кранова. Теперь все всем ясно, вот вам приложения, кого передавать по радио, кого показывать по телевизору, а кого записывать на пластинки. Ну вот, в общем-то, и все, осталось подписать приказ у министра, и пусть играют что хотят, если, конечно, худсовет разрешит.

Внимательно прочитав приказ и приложение к нему, министр, улыбнувшись, посмотрела на Польшину и Соловьеву:

— Ну вот, — сказала она, — теперь и у нас будут свои советские «Битлз».

Соловьева насторожилась: «А это еще что такое?» — но решила промолчать. Что там у министра в голове? Тем более что приказ и приложения она уже подписала.

Англия. Лондон. 1969 год

Жизнь «Битлз» и их творчество по-прежнему на первых полосах английских газет. Пресса описывает все, что касается великой четверки. А что греха таить, они и сами дают повод для различных пересудов; ни дня без «Битлз», их жен и подруг. Новость февраля: у «Битлз» новый менеджер Алан Клейн, контракт с ним подписали Джон, Джордж и Ринго, Пол — воздержался. Ринго дебютировал в фильме Кэнди, премьеру которого и посетил в Лондоне, а 1 марта он начал сниматься с известным английским комиком Питером Селлерсом в фильме «The Magic Christian».

12 марта миллион девочек-подростков в разных странах мира рыдали навзрыд — в Лондоне Пол Маккартни в регистрационной конторе Мэри-лебой сочетался законным браком с Линдой Луизой Истман. Вечером того же дня Джорджа Харрисона и его жену Патти задержали за употребление наркотиков. 20 марта Джон в английском консульстве в Гибралтаре все-таки женится на Йоко Оно. Ну чем не новости для первой полосы? Правда, «Дэйли мэйл» в начале апреля рискнула предположить, что «Битлз» находятся на грани распада и их дальнейшее существование как единого коллектива под большим вопросом. Бульварная пресса — она и есть бульварная пресса.

Никто на выпады «Дэйли мэйл» от «Битлз» и не думал отвечать, и публике осталось только гадать: а так ли все это? Продюсер «Битлз» Джордж Мартин в конце апреля очень удивился, когда ему позвонил Пол Маккартни и сказал:

— Мы хотим записать нашу последнюю пластинку вместе и чтобы вы были продюсером, как на всех наших предыдущих пластинках.

Мартин задумался:

— Вы действительно все этого хотите? — спросил он после небольшой паузы. — Джон тоже?

— Да, все, — ответил Пол.

Для себя Маккартни давно решил, что «Битлз» не существуют как единое целое, это подтвердила и неудачная пластинка «Let it be» — последнее, что они, ругаясь друг с другом, записали.

Джордж Мартин согласился на предложение «Битлз». Зная их, он мог смело предположить, что это будет очередной шедевр великой ливерпульской четверки.

Лондон. Русский отдел британской разведки МИ-6. Июль 1969 года

В июле «Битлз» активно работали над своей новой и последней пластинкой. На записи и репетициях они, как и в прежние времена, были едины, никого лишнего в студии, работали слаженно, прекрасно осознавая, что пластинка получается очень хорошей.

В начале июля, в понедельник, лейтенант МИ-6 Клифф Мак-Фарен вернулся из отпуска в Испании, где в окрестностях Барселоны целый месяц с семьей наслаждался солнцем, теплым морем и отличным испанским вином. Но все это осталось где-то там, в Испании, — реальность лежала на столе в виде толстой папки, на которой сбоку было написано по-русски название операции «Сева Шар-городцев». А на самой папке, справа, стоял гриф «Совершенно секретно». Сам Мак-Фарен получал эту папку в секретариате отдела под расписку. В папке копия проекта приказа по вокально-инструментальным ансамблям Минкульта СССР. Анкеты всех участников московских групп. Эти анкеты были заполнены ими при вступлении в московский бит-клуб. Копии были переданы в Минкульт СССР. Участники самодеятельных групп и коллективов были уверены, что анкеты давно находятся в КГБ, но что они переведены на английский язык, тщательно проанализированы и находятся в МИ-6 — этого никто даже и представить себе не мог. А где же тогда оригиналы? А оригиналы долгое время находились в коробке у Саши Маркова дома под кроватью. В кафе «Молодежном» хранить их было негде, и он взял коробку домой. Так что КГБ здесь было ни при чем. А МИ-6 на основе имеющихся данных стало разрабатывать операцию «Сева Шаргородцев». Идея была проста: ведущий музыкальных программ Би-би-си должен быть русским и стать своим для слушателей и вести антисоветскую пропаганду в музыкальной программе. Англичанину сложно — все это явно отдает клеветой, а свой, русский, просто критикует советский строй, в котором вырос, не важно, разбирается ли он в поп-музыке, — у МИ-6 найдутся компетентные сотрудники.

Мак-Фарен включил кондиционер, пододвинул пепельницу, достал свои любимые сигареты «Бристоль», закурил и задумался над папкой «Сева Шаргородцев»: кто это может быть? Были только общие критерии, а что за этим? Кто он, Сева Шаргородцев?

Москва. Середина сентября 1969 года. Джазовый клуб «Печора», пр-т Калинина

Как-то в субботу Саша Марков со своим соседом по двору Сашей Соловьевым практически случайно забрели в «Печору». Здесь джазовые музыканты играли постоянно, бит-группы не приглашались, кафе «Молодежное» закрылось на ремонт, а заниматься группами было некому, да и зачем — теперь все было официально, бывшими самостоятельными коллективами занимались филармонии и другие концертные организации. Макаров и Соловьев разделись и поднялись на второй этаж. Народу было много. Марков пробежал зал глазами и вдруг случайно увидел Алексея Баташова у столика почти рядом со сценой. Баташов был большим знатоком джаза, как отечественного, так и зарубежного. Марков толкнул Соловьева локтем в бок:

— Смотри, вон Баташов сидит, и места вроде бы у него есть.

Баташов внимательно слушал выступавших музыкантов. Увидев Макарова, кивнул и показал на два свободных стула рядом.

— Ну что, балалаечник, — так он называл где-то с начала 60-х Маркова, — не довели тебя твои группы до дурдома?

— Нет, — пожал плечами Марков.

— Ладно, садитесь, слушайте настоящую музыку, да выпить возьмите, фруктов каких-нибудь. Сейчас еще Леша Козлов подойдет.

— Играть будет? — спросил Марков.

— Будет, будет, у него новый саксофон, очень хороший звук. Леша Козлов, подойдя, тоже съязвил:

— Кого я вижу? Балалаечники пришли послушать хорошую музыку, это не то, что там ваши группы в три аккорда.

Джаз был действительно хорош, и мелодии знакомые.

Соловьев вдруг восторженно, показал глазами:

— Саш, смотри, вон Костров и Зайцев с девушками. Подойдем?

— Подойдем, — сказал Марков.

Ему, в общем-то, и не хотелось встречаться с выпускниками МГИМО. Наверняка все хорошо устроились, хвастаться будут. Сам же Марков после института, отказавшись от аспирантуры, пошел

в обычную школу учителем английского языка. Но ему обрадовались. Зайцев и Костров были с девушками. Удивились, что он в школе. «Учителем?» Костров уже работал во Внешторге, его девушка Ира Чернова — врачом в поликлинике МИД СССР. Зайцев распределился в МИД. Соловьев, правда, еще учился в Бауманском институте. Поговорили о том, о сем. Пожалели, что кафе «Молодежное» закрылось. Но в основном разговоры были о том, кто после института куда пошел работать. Кто-то еще остался в группах, а кто-то уже понял, что надо идти работать по специальности. Тех, кто был с музыкальным образованием, как, например, Толя Власов из группы «Орфей», пошли в Москонцерт, где со своей группой «Веселые гитары» уже работал Григорий Свободкин; он не разбирался ни в бит-музыке, ни в рок-н-ролле, поэтому брал почти всех, кто разбирался.

Маркова нашел Баташов.

— Саш, — сказал он, — я ухожу, перешел бы со своими друзьями за мой столик, там лучше слышно и видно.

Собрались и с вином и закусками пересели поближе к сцене, где играли музыканты, прошедшие советскую школу борьбы с джазом.

Судьба сведет Маркова и Кострова вместе только в 1971 году во дворе дома в Арбатском переулке, куда Марков с женой и маленькой дочерью переедет жить, правда, в однокомнатную квартиру. А Костров, тоже с женой и маленькой дочерью, благодаря стараниям тестя переедет в трехкомнатную квартиру. Встреча с Марковым во дворе собственного дома очень не понравилась Кострову. За два года работы во Внешторге он как-то привык причислять себя к элите советского общества. А как же, он — во Внешторге, зять — в ЦК КПСС, жена — в поликлинике МИД СССР, а тут школьный учитель. Оказалось, уже и не школьный учитель, а референт Комитета молодежных организаций города Москвы и работает в горкоме комсомола, а жена — аспирант стоматологического института. Да еще живет в так называемом совминовском доме из хорошего кирпича с улучшенной планировкой квартир. Но в конце своих размышлений Костров решил, что Саша Марков умный парень, похоже, и за граница ему светит в недалеком будущем, в общем, человек его круга, а то школьный учитель — как-то не так.

Лондон. Паб «Британика». Район Кенсингтон. Июль 1971 года

Лейтенант МИ-6 Клифф Мак-Фарен пригласил на ланч сотрудницу русской службы Би-би-си Барбару Стоун, которая по заказу МИ-6 постоянно анализировала эстрадную музыку в СССР. Судя по последнему отчету Барбары, официальные группы, возникшие в СССР за последние два года, вокально-инструментальные ансамбли, как их называли, не имели к рок- и бит-музыке никакого отношения, играли они в основном произведения советских композиторов. В союзах композиторов и писателей были даже секции, которые следили за репертуаром этих ансамблей, участники которых зачастую набирались из случайных музыкантов, не разбиравшихся в рок-музыке и не имеющих к ней ни малейшего отношения. Многие из них были воспитаны на традициях советской эстрады и в большинстве случаев ориентировались на мнения руководителей коллективов, которые были абсолютно некомпетентны в западной джазовой и рок-музыке. Эту культуру они не знали и, как кажется, знать не хотели, но имели музыкальное образование, зачастую по классу народных инструментов. Правда, и в Москве, и в Ленинграде имелись самодеятельные коллективы, игравшие бит- и рок-музыку, но выхода на сцену и в эфир советских радио- и телестанций они не имели, а самодеятельность — она так и продолжала оставаться самодеятельностью. Хотя среди музыкантов таких групп, может быть, и следовало поискать Севу Шаргородцева, так как искать его среди участников официальных ансамблей не имело смысла. Беседуя с Барбарой в уютном пабе «Британика», лейтенант Клифф Мак-Фарен курил свои любимые сигареты «Бристоль», часто прихлебывая из большой кружки темное пиво «Гиннесс». Спросил:

— Ну а что твои друзья-активисты бит-клуба? Там, кстати, были и музыканты, разбирающиеся в западной музыке?

Барбара, прожевывая хорошо приготовленный бифштекс, запивая его простым английским элем, улыбнулась:

— А все почти разбежались. Окончили институты, пошли работать по специальности, женились, появились дети. Многие всерьез занялись карьерой, вот, например, Саша Марков работает в горкоме комсомола.

Мак-Фарен хорошо был знаком с советскими партийными учреждениями:

— Да, — только и сказал, — впереди хорошая карьера в каком-нибудь министерстве, в управлении внешних сношений, с выездами за границу.

— Ну вот таких много, — продолжала Барбара, — но поискать стоит среди тех, кто пока за бортом советского благополучия и где-то в глубине души мечтает уехать на Запад, где, как ему кажется, его творческая натура быстро найдет применение.

— И что? — спросил Мак-Фарен, затягиваясь сигаретой. — Есть кандидаты на отъезд из СССР?

— Кандидаты есть. И весьма толковые. Но выделяется один Саша Коган. Девятнадцать лет, имеет музыкальное образование, играл в разных ведущих любительских группах. Весьма способный лингвист, знает двадцать один язык.

— Вот как? — удивился Мак-Фарен.

— Но мы, кажется, опоздали, — прервала удивления Мак-Фарена Барбара, — американцы оказались более активными, чем мы. Они сильны в обещаниях, здесь все: возможность организовать группу и начать обучение в американском университете.

— Да, наш Сева Шаргородцев намного слабее, — только и сказал Мак-Фарен, гася сигарету в пепельнице. При этом сигарета издала сильный табачный запах. — Так, подведем итог. Искать среди музыкантов официальных коллективов не имеет смысла. Похоже, что они разбираются в западной рок-музыке понаслышке: вот это — модно, а это — нет. Руководители коллективов тоже не ориентируются в рок- и поп-музыке. Они просто далеки от этого. Странно, но похоже, им это все не надо. Не надо и всей эстраде Советского Союза, то есть идеологически это все невежество не перечит ни партийным, ни административным установкам Советского государства. И вот тут-то, на этом фоне полного невежества в рок-музыке советских властей появится наш Сева, он-то и расскажет слушателям русской службы Би-би-си о том, что происходит в поп-музыке на Западе.

— А сможет? — спросила Барбара.

— А ты у нас зачем? — посмотрел на нее Мак-Фарен. — Напишешь, объяснишь. Совсем, конечно, дурака подбирать не надо. В общем, ищи, дерзай!

Москва. Август 1972 года

Около 7 вечера Саша Марков с продуктами из Смоленского гастронома завернул во двор своего дома и лоб в лоб столкнулся с Сергеем Костровым. Он выгружал из черной «Волги» с номерами гаража ЦК КПСС продукты, ящики с пивом, увесистую сумку с коньяком и водкой.

— А, Саша, привет! — окликнул его Костров. — Познакомься — Андрей Сергеев! — представил он, помогавшего ему молодого человека. — Работаем вместе.

— У вас что, день рождения? — спросил Марков.

— Да нет, — ответил Сергеев, — Кострова провожаем в Египет, работать едет.

— Вот что, — сказал Костров, закрывая багажник цэковской «Волги», — ты, Саша, отнеси свою сумку и где-то через полчаса подходи к нам. Будем рады.

Марков поднялся к себе, позвонил жене на дачу, чтоб не волновалась, снял костюм, в котором ходил на работу, рубашку, галстук. Переоделся в джинсы, майку и кроссовки, которые привез из командировки в Польшу. Минут через 40, подойдя к двери Костровых и нажав на кнопку звонка, вдруг увидел Сергея Купреева, 1-го секретаря МГК ВЛКСМ, начальника Маркова и всех комсомольцев Москвы.

Костров открыл дверь, увидел Маркова и Купреева, своего соседа. Только и спросил от неожиданности:

— Вы тоже к нам, Сергей Александрович?

— А у вас что, чей-то день рождения? — увидев гостей, спросил Купреев.

— Да нет, — ответил Марков, — Кострова в Египет провожают.

— Саша, Сергей Александрович, проходите, — пригласила Купреева и Маркова Ира Кострова.

— Ребята, я подожду чуть попозже.

Вошел Саша Марков и очутился в компании внешторговцев.

— Знакомьтесь, это наш сосед, — сказала Ира, — Саша Марков, Комитет молодежных организаций города Москвы.

Встрепенувшиеся было головы сотрудников Внешторга — это кто еще пришел? — успокоились: почти свой, во Внешторге много работников из комсомола.

В большой комнате просторной трехкомнатной квартиры Костровых был накрыт стол, изобиловавший яствами и хорошими напитками наших и не наших сортов, хотя вином, коньяком и

даже виски в 72-м году удивить кого-либо было трудно. В том же Смоленском гастрономе это все свободно продавалось, правда, в очереди приходилось постоять. Стол только что накрыли, бокалы расставили, ждали родителей самого Кострова и его жены. Когда все собрались, стали рассаживаться. Присутствие зятя Кострова, Чернова, завсектором в международном отделе ЦК КПСС, как-то дисциплинировало сотрудников Внешторга. Чернов произнес напутственный тост «служить на благо Родины и не поддаваться на провокации западных спецслужб». Всем за столом тост был понятен, за рубежом были многие. Выпили с серьезным видом. Потом еще выпили, тут как раз и подошел Сергей Александрович. Тоже напутственные слова человеку, который достойно представлял московский комсомол во время учебы в МГИМО. Еще раз выпили: а что, достойные слова, достойные люди. За столом стало шумно. Внешторговцы рассказывали своим соседям по столу о происках западных спецслужб, о трудностях работы за рубежом, причем с каждым тостом трудностей становилось больше, а коварство спецслужб преодолевалось только благодаря бдительности советского человека, сотрудника Внешторга, сидящего рядом с вами. Марков все внимательно слушал. Ну а как не слушать? Ведь вот они, люди, которые противостояли козням и проискам спецслужб.

Кто-то в разгар рассказов, воспоминаний и напутствий Кострову предложил: «Давайте потанцуем». В кабинете Кострова заранее была вынесена мебель. Поставили проигрыватель с пластинками. После речей и наставлений хорошо пошла песня «Толстый Карлсон», ее два раза повторяли, пели почти все. Хорошо потанцевали и под песню «Для меня нет тебя прекрасней». Веселились вовсю. Ну а как же — гулял Внешторг, люди гордые и, главное, довольные собой.

* * *

Первое письмо от Кострова Марков получил в конце октября. Все только о Египте, об Александрии, Совморфлоте и дежурные приветы для друзей и знакомых. В общем, была когда-то группа «Вирази», а в ней играл и пел Сережа Костров. А вот теперь фотографии на фоне пирамид и верблюдов. Сам Марков вступил кандидатом в члены КПСС, через год уже будет коммунистом, а там можно будет подумать о смене работы. Это только в песне поется «не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым».

Лондон. Оксфорд-стрит. Март 1973 года

Ведущая и главный музыкальный редактор русской службы Би-би-си Барбара Стоун сидела на удобном диване в родительской квартире. Родители же с недавнего времени жили в собственном доме в Каире, в зеленом пригороде, построенном англичанами в конце XIX века. А Барбара наслаждалась жизнью в просторной удобной квартире. И в последний мартовский уикенд, так же сидя на диване, слушая пластинки модных и популярных в Англии групп, разбирала почту — данные на выезжающих из СССР на ПМЖ. И вдруг что-то привлекло ее внимание: Давид Ковальзон играл в группе «Грецкие орехи», инженер-электрик, окончил МЭИ, прозвище Додик. Поднялась с дивана, пошла к себе в кабинет, просмотрела картотеку Московского бит-клуба — да вот он, Давид Ковальзон, бас-гитарист группы «Грецкие орехи». «Куда он едет?» — спросила себя Барбара. В документах нашла: страна — Израиль, родственник — тетя, сестра матери.

В понедельник Барбара позвонила Мак-Фарену:

— Клифф, мне кажется, я нашла Севу Шарго-родцева, надо переговорить.

Переговорили, получалось, что хорошо Ко-вальзона знал Саша Марков; и Клифф, и Барбара прекрасно понимали, что что-либо предлагать Ко-вальзону надо подождать, пока он покинет СССР и доберется до пересадочного пункта в Вене, но и предлагать что-либо кому попало МИ-6 не может. Спросить можно у Маркова. А как выйти на Маркова, чтобы не испортить ему карьеру? Тоже вопрос.

Жена одного из сотрудников британского посольства в СССР, русская по происхождению, представившись Сашиной знакомой по институту, из автомата позвонила Сашиной маме: дескать, нужны учебники, которые были у Саши. Мама высказала сожаление, но ничем помочь не смогла — Саша на 6 месяцев по линии Бюро международного молодежного туризма «Спутник» уехал в Швецию и Данию.

Позвонили Саше на работу, и тоже из автомата, но там готовились к какому-то комсомольскому мероприятию, и им было не до Саши, однако пошутили, сказав: «Девушка, звоните в Стокгольм, в «Фольке-турист», он будет рад вашему звонку», — и повесили трубку. А что, хорошая шутка для 1973 года: «из автомата — в Стокгольм».

В Лондоне выяснили, что «Фольке-турист» — туристическая фирма, партнер БММТ «Спутник», и Марков уехал представителем БММТ на туристский сезон работать с группами молодых туристов, приезжающих из всех городов СССР. В середине мая Барбара вылетела в Стокгольм, дня три понаблюдала за Марковым. А затем в субботу, когда он утром проводил очередную группу в Москву, подъехала к отелю, где жил Марков, прошла в ресторан, где Саша собирался позавтракать, и неожиданно под села с подносом от шведского стола к нему за стол.

— Ну, здравствуй, Саша, — сказала она.

Марков только и сказал: «Здравствуй» и «Очень неожиданно». Выпил апельсиновый сок.

Барбара отпила кофе из чашки, добавила сливок. Саша молчал, утро все-таки, провожал группу, завтрака еще не было, а сейчас хотелось есть. Барбара не возражала, ела джем с маслом и вкусную салями.

Саша поел, выпил кофе, посмотрел на Барбару:

— Ну и что? Что-то случилось?

— Совет нужен, — сказала Барбара.

Саша молчал. Барбара достала из сумки ксерокопию анкеты московского бит-клуба.

— Откуда? — только и спросил Марков.

— От верблюда, — улыбнулась Барбара, — Зубов из Минкульта потерял в метро, я с ним в одном вагоне ехала.

— Понятно, — только и сказал Марков, съев еще кусок салями.

К Барбаре подошел официант и попросил подписать счет за завтрак, она достала карточку «Фольке-турист» со своей фотографией. Официант списал данные, Барбара расписалась. Посмотрев на ошарашенного Маркова, сказала:

— Я гидом работаю, встречаю группы из Англии. Ну это так, если кого-либо из посольства СССР встретим. Работаем вместе.

Марков рассмотрел анкету:

— Давид Ковальзон, бас-гитарист. Знал его, да и сейчас знаю. Говорят, он в Израиль к тетке собрался.

— Ну да, собрался. — подтвердила Барбара. — Кто он как человек? С интеллектом у него как?

Марков задумался:

— Слушай, — сказал он, — завтрак уже закончен, сейчас погонят. Пойдем, здесь за углом приличный пивной бар «Командор».

— Пойдем, — согласилась Барбара.

В субботу в «Командоре» всегда было достаточнолюдно. Сели

в дальнем углу, не привлекая ничьего внимания.

Заказали хорошего пива и копченых сосисок с картошкой, запеченной в фольге.

— Ну так что, умен Ковальзон или не умен? — спросила Барбара.

— Ну, во всяком случае, неглуп, но в поп-музыке разбирается слабо. Язык хорошо подвешен, остроумен. В общем, не полный идиот, но мог бы быть поумнее.

— Сравнить с Сашей Коганом можно? — спросила Барбара.

— Ну и вопросы у тебя! Не для слабонервных, — только и ответил Марков. — Коган гений, талантливый лингвист и музыкант, а этот так, середнячок.

— А где ты с ним встречался? — спросила Барбара. — Слушай, хорошее пиво спросила у официанта — «Туборг».

— Да, «Туборг», — ответил он. — А встречался я с ним в кафе «Молодежном», да и дома он у меня был пару раз. Переписывал пластинки. Ну, парень как парень, ничего выдающегося, язык английский знает средне.

— Понятно, — только и сказала Барбара, разрезая сосиску и вынимая из фольги картошку. Затем взяла соусницу, полила картошку и сосиску.

— А, — сказал Марков, — это хороший соус, сырный, нравится.

Взял свою соусницу и полил сосиски и картошку.

— А как у него с дикцией и тембром голоса?

— Ну, здесь все нормально, — ответил Марков, — в институте он играл в театральном кружке, так что говорит хорошо, интонации правильные.

— А из какой он семьи? Обеспеченной или нет? — задала вопрос Барбара.

Марков пожал плечами.

— Папа — историк, преподает в МГУ, а мама — инженер в каком-то НИИ. В общем, средняя советская семья.

— А девушки? — спросила Барбара.

— Да вроде были, и тоже еврейки, — ответил Марков.

Сосиски съели, пиво допили. На часах — 12.00.

— Слушай, — сказал Марков, — мне в «Фольке-турист» надо, у меня завтра группа, проверю автобус, гостиницу и заказ на гίδα.

— Пошли, — сказала Барбара, — здесь рядом, мне тоже не помешает.

Дошли за 10 минут. О Ковальзоне не говорили, вспоминали Москву, институт. Уже подходя к офису «Фольке-турист», Барбара сказала Маркову:

— Знаешь, ты мне как мужчина всегда нравился.

— Это что, намек или совет? — спросил Марков и перевел на английский.

Открыл дверь, пропустил Барбару. Услышав перевод, она засмеялась:

— Марков, это правда.

Марков проверил: все готово, автобус завтра в 12.00 от гостиницы поедет в аэропорт, прихватив с собой Маркова. Барбара была рядом, болтала с английским гидом. Марков кивнул ей: «Пойдем». Вышли из офиса, не сговариваясь пошли к отелю, где жил Марков.

— Ты где живешь? — только и спросил Саша.

— А там же, где и ты, в «Викинге», я тоже работаю в «Фольке-туристе». Саш, зайдем, здесь за углом хороший магазин грампластинок, посмотрим.

Зашли, Барбара стала выбирать пластинки. Марков посмотрел, что нового появилось, но ничего покупать не стал — дома жена, ребенок, им тоже надо что-то купить, ждут папу домой, а папа все просадил на пластинки.

Барбара, кажется, все поняла:

— Саша, выбери любые десять пластинок, я оплачу, это подарок.

— Зачем? — только и сказал Марков. Но десять пластинок выбрал, положил в пакет.

На подходе к «Викингу» увидел «вольво» советского посольства. Пристегнул удостоверение «Фольке-туриста» на джинсовую куртку. Барбара сделала то же самое. Заговорили по-английски сотрудники «Фольке-туриста», да и только.

В дверях столкнулся с 1-м секретарем посольства Лозовым Дмитрием Сергеевичем.

Барбара на мгновение задержалась:

— Саш, позвони, когда освободишься, я в двадцатом номере. — Сказала по-английски.

Лозовой посмотрел вслед — стройна, хороша, джинсы в обтяжку.

— Саша, я чего заехал, даже записку оставил, забери. Ты же завтра едешь в аэропорт?

— Да, конечно.

— Так вот, у меня пропуска пока нет, ты ведь к самолету пойдешь, тебя пускают с твоим удостоверением.

— Ну да, — сказал Марков.

— Этим же рейсом прилетает делегация Минздрава СССР во главе с министром, так вот встретить, успокой, чтобы не волновались, скажи, я их у таможни буду ждать.

— Может, пройдем ко мне, — предложил Марков, — выпьем чего-нибудь?

— Нет, не могу, — извинился Лозовой, — у меня в машине жена с сыном, я им обещал по магазинам сводить, хочешь, чтобы мне голову открутили? Завтра чего-нибудь придумаем, у меня делегация рядом будет жить, в «Паласе».

— Ладно, до завтра, увидимся в аэропорту, — только и сказал Марков.

Поднялся к себе, позвонил в 20-й номер.

— Я сейчас к тебе приду, — только и сказала Барбара и пришла в короткой джинсовой юбке, майке с надписью по-английски «Я люблю тебя».

Сразу же возбудила.

— Ну что, у нас будет ночь любви? — спросила она.

— Слушай, — только и ответил Марков, — до ночи долго ждать, давай день любви.

— Давай, — сказала она и разделась.

Потом они сходили пообедали, вернулись в номер, опять обсудили Додика Кавальзона, опять занимались любовью, побродили вокруг отеля. Марков задержался у магазина с аппаратурой.

— Что-то хочешь купить? — спросила Барбара.

— Да просто помечтать, вон красавец «Revox», катушечный магнитофон. Но дома жена, дочь. Жене уже дубленку и сапоги присмотрел, в Москве сама знаешь, как с этим.

— Понятно, — только и сказала Барбара, — ну что, идем в гостиницу?

— Идет, — сказал Саша — Ты когда домой?

— Да завтра вечером у меня самолет, — ответила она, прижимая его к себе.

Барбара разбудила Сашу в восемь, сходили, позавтракали, поднялись к нему.

— Ну что, — сказала она, — не знаю, может, когда и увидимся?

— Может, и свидимся, теперь ты знаешь, где меня искать. Звони из автомата, — и рассмеялся.

— Ладно, позвоню, — сказала она.

В аэропорту они столкнулись случайно у выхода. Саша рассаживал в автобусе свою группу, а она вышла из такси. Расплатилась, увидела его, постояла несколько секунд, сказала по-английски:

— А у меня чувство, что мы встретимся, — и пошла в зал вылета.

Носильщик вез на тележке ее вещи. Она, в сером плаще, с

распущенными волосами, еще раз взглянула на Сашу:

— Ну все, прощай.

* * *

Сережа Костров в Александрии был очень удивлен, когда получил от Маркова письмо и увидел обратный адрес: Швеция, Стокгольм, Посольство СССР, Маркову А.В. Вскрыл — и еще больше удивился. Саша Марков в Стокгольме, представитель БММТ «Спутник» на туристском сезоне. Вот это да! Ира даже обрадовалась за Сашу:

— А что, мальчик неглупый, молодец, карьеру делает.

Саша с тургруппами мотался между Стокгольмом и Копенгагеном. Группы были из разных городов, в основном молодые передовики производства. И в Дании, и в Швеции соблазнов было много, особенно в Копенгагене, где в двух шагах от отеля была улица «красных фонарей» и улица с секс-шопами и кинотеатрами с порнографическими фильмами. Стоило только на общем собрании в первый день рекомендовать не посещать эти места, как на следующий день можно смело было отлавливать туристов в зланных местах. Правда, Марков этим не занимался — ну сходят, посмотрят. Однажды вечером у кинотеатра с порнофильмами увидел троих девушек-туристок из далекого уральского города. Одной было очень плохо, ее рвало.

— Что с ней? — спросил Марков.

Его сначала испугались, но он успокоил девушек, отвел от кинотеатра.

— Мы не знали, — оправдывались они, — что фильмы идут без перерыва, вот после четвертого ее и прорвало.

Девушки отошли на воздухе, успокоились:

— Ну надо же, мы замужем, есть дети, а такого даже и не представляли, вот Антонина и не выдержала.

— Ладно, девушки, успокойтесь, пойдем ко мне в номер, выпьем чего-нибудь.

Выпили, закусили датскими маринованными огурцами. Только Антонина взяла огурец в рот, как ее опять стошнило, побежала в туалет. Девчонки оправдывались:

— Ну не знали мы всего этого.

— Не надо было ходить в кино, — только и сказал Марков.

* * *

Толя Минаев в 60-х играл в самодеятельной группе «Акванавты», учился в МЭИ. Он считался хорошим клавишником, да и инструмент у него был свой очень неплохой — немецкий орган «Вельтмайстер». В 70-м он окончил институт, а в 71-м женился. В 72-м у него родился сын. Зарплата инженера Мосэнерго — 110 рублей, да и группа «Акванавты» потихоньку разошлась — тоже семейные проблемы. В однокомнатную квартиру Минаевых ворвались заботы о сыне и полное безденежье. Жена Галя неоднократно требовала продать орган — хоть как-то расплатиться с долгами. Но Толя только отвечал: «Инструмент не продам».

В ноябре 1972 года ему позвонил Стас Гельман, гитарист, который играл в разных московских коллективах, и первое, что спросил после дежурного «Здравствуй, Толя!», была фраза:

— Инструмент не продал?

— Нет, — ответил Минаев.

— Ну вот, отлично, — сказал Гельман, — тут за МКАДом новый ресторан открывается, «Столичный», югославы строили, полная Европа. Собираю группу, пойдешь клавишником?

— Надо подумать, — сказал Минаев.

— Чего там думать, — Гельман был неудержим, — завтра, в пятницу, у нас открытие, вот и подумаем, приезжай, к пяти настроимся, аппаратуру привезем, записывай адрес.

— Может, попробовать, — решили Минаевы, — может, и будут какие-то деньги.

Отпросился на работе: мол, ребенок заболел. Минаев взял от дома на проспекте Мира такси и за 25 минут с инструментом доехал до ресторана — действительно, до МКАД не далеко. Уютный ресторан, просторная сцена, хорошая световая установка, отличная звуковая аппаратура — югославы поставили как комплект оборудования для сцены. Пока официанты накрывали столы, удалось порепетировать. В общем-то, музыканты были опытными людьми, пели и играли от души. После 10 вечера начались заказы: это — песенка для Маши, это — песенка для Кати, а это — для Раисы Ивановны. Играли до часу ночи. В час тридцать подошел Гельман и отдал Толе 200 рублей:

— Держи, старик, это только начало.

Другие музыканты были тоже довольны, первый блин не получился комом.

В субботу и воскресенье в ресторане почти сразу начались заказы. Место оказалось очень людным: а как же, строили югославы, да и оркестр хорошо играл. За три дня Минаев заработал 800 рублей. В понедельник он уснул на работе, его поили крепким кофе, все понимали, — у человека болеет

маленький ребенок, тут не до сна.

В понедельник с заработком было похуже, народу поменьше. Во вторник был выходной, жена Галя взяла сына на себя, дала Толе поспать. В воскресенье подсчитала, сколько же заработали за неделю, получилось, с вычетом такси, 1300 р. — это при зарплате инженера 110 рублей в месяц. Через месяц, когда Толя вымотался окончательно, Гельман предложил ему перейти на работу в МОМА — организацию, которая контролировала работу ансамблей во всех московских ресторанах. Толя уволился из Мосэнерго, перешел на работу в МОМА, отоспался, стал больше времени проводить в кругу семьи, да и зарабатывал раз в 5 больше, чем в Мосэнерго. В ресторане жизнь тоже шла своим чередом, у московской публики стало очень престижным бывать в модном ресторане «Столичный». Директора магазинов, карточные шулера, фарцовщики, артисты кино, врачи-стоматологи, слесаря «жигулевского» техцентра, продавцы магазина «Березка», путаны с иностранцами, ну, в общем-то, все солидные люди. И гуляли по-солидному, с размахом, денег особенно не считали, главное — повеселиться в модном ресторане.

Толе Минаеву нравилось, что в ресторане, или, как говорили, в кабаке, можно было играть многое из того, что не разрешалось на официальной эстраде в различных ВИА. Во-первых, пели на языках оригинала того или иного шлягера — английском, итальянском, французском и т. д. Пели и играли популярные советские песни. Музыканты, как правило, в кабак подбирались умелые, и все внимательно следили, какие песни популярны там у них, за рубежом, и в московских кабаках, что публика заказывает: а как же, это деньги музыкантов, и не малые в 70-х годах. Все-таки какие-то самостоятельные группы остались, играя рок-н-ролл и бит-музыку, упрямо не понимая или не хотя понять, что с «гитаристами» уже определилась и власть, она и решила все за них: есть официальные ВИА, есть филармонии, все остальное — самодеятельность.

А она и была самодеятельностью, как ни копируй западные рок-группы, записанные в студии и сделавшие не один дубль той или иной песне, все равно в домашних условиях, на плохонькой гитаре и с очень средним усилителем толком ничего получиться не могло. Но им, упорным, казалось, что вот-вот сейчас мы вам сыграем, мы докажем. Но доказывать никому ничего не надо было, весь этот рок-н-ролл никому, в сущности, и не был нужен. Ансамбли у нас есть свои, музыканты — тоже. Все официально и законно. А самодеятельность — она и есть самодеятельность, у них там все непризнанные гении, а ведь давно известно: с гениями и сумасшедшими — только лаской.

Где-то в начале июля, забирая письма из посольства СССР с Стокгольме, Марков среди прочих обнаружил письмо из Москвы, написанное не знакомым ему почерком. Интересно, кто это? Открыл:

«Здравствуй, это я. В ближайшие дни ты получишь лично от меня подарок, не пугайся, здесь все в порядке, и все от чистого сердца. Твоя Варя».

«Ух ты, Варя! Это же Барбара».

Еще раз внимательно осмотрел конверт — советский, штемпель московского отделения связи, все ловко, не подкопаешься.

Как-то вечером только добрался с очередной группой советских туристов из Копенгагена в Стокгольм и разместил группу, как к нему подошел менеджер отеля:

— Господин Марков, вчера из магазина «Sven-ska-Electronica» доставили ваши покупки. Когда принести их к вам в номер?

Саша все понял — это Барбара.

— А может это все полежать у вас несколько дней? А то мне хранить негде, — попросил он.

— Когда скажете, тогда и доставим, — ответил менеджер.

В субботу, отправив очередную группу, получил наконец две коробки и чеки на свое имя. Покупатель он — Марков Александр. В одной из коробок магнитофон «Revox», в другой — усилитель «Marantz» мощностью 2 x 25 Вт, в той же коробке небольшие колонки фирмы JBL.

— Однако! — только и сказал Марков.

Все было очень компактно упаковано и можно было отправлять самолетом — не разобьется. Саша убрал коробки в шкаф. Распаковывал все это он уже в Москве, куда долетел рейсом SAS, скандинавской авиакомпании, — подарок от «Фольке-туриста».

С головой погрузившись в московскую жизнь, Марков обратил внимание на явление «кабак», побывал в нескольких ресторанах. Играли здорово, музыканты были из хороших московских групп. В кабаке можно больше зарабатывать, чем на эстраде, мотаясь с гастрольями по городам Советского Союза.

Саша Марков в 1974 году уже работал в Министерстве высшего образования СССР, в протокольном отделе Управления внешних сношений.

Как-то в мае, после праздников, в центре заглянул на Неглинную в музыкальный магазин и в дверях столкнулся с Витьком. Тот сильно удивился:

— Санек? Ты ли это? Тебя уже выпустили?

— Откуда? — ошарашено спросил Марков.

— Ну тебя же вместе со Шписом взяли. Да тебя долго и не было.

Марков достал удостоверение, раскрыл его и показал Витьку — «Министерство высшего образования СССР». Тот прочел.

— Что, настоящее?

— А что, похоже на «липу»? — спросил Марков.

— Да вроде настоящее, — как-то неуверенно ответил Витек. — А где ты тогда пропадал? — спросил он Маркова.

— В Швеции работал, в Дании.

— Ха-ха, — рассмеялся Витек, выходя на улицу, — с таким прошлым, как у тебя?

— Какое у меня прошлое?

— Ну фарца всякая, пластинки там, валюта... Я что, не знаю что ли, мне только не надо «ля-ля» разводить, я тебя сам видел с фирмой на Красной площади.

— Так я в «Интуристе» работал.

— Да ладно, чего передо мной оправдываться, — только и сказал Витек, — ну отсидел так отсидел, чего тут такого, Санек.

В его тоне сквозило уважение.

— Чего надо? Сделаем.

— Да нет, ничего не надо, — сказал Марков и раздосадованный пошел в гостиницу «Метрополь», куда ему и надо было по работе.

Он был полон возмущения. «Кто такое мог придумать? Ну, значит, кто-то придумал! Идиоты!» Его начальство знало, кого оно взяло на работу, Марков заполнил несколько анкет и раз попал в министерство, то был уверен, что там, наверху, кому надо точно знали, что бабушка Маркова не была испанской принцессой и уже точно не подносила Колчаку патроны на фронтах Гражданской войны. «Да ну его, этого Витька», — только и подумал Марков, входя в железнодорожные кассы, где продавались билеты для иностранцев. Рядом были и авиационные кассы, и тоже для иностранцев. Такая была у Маркова работа — работа с иностранцами, прибывающими в нашу страну по линии

Минвуза СССР.

Лейтенант Клифф Мак-Фарен, ровно в 9.00 придя на работу в новый офис МИ-6, зашел к секретарю отдела и расписался в получении секретных документов, которые сегодня намеревался внимательно изучать. К 2 часам дня, после ланча, картина начала вырисовываться более менее ясная.

Битва за рок-н-ролл, а значит, и за умы молодежи Страны Советов была проиграна полностью. Официальные вокально-инструментальные ансамбли для большинства любителей рок-н-ролла и поп-музыки не представляли интереса. Появилась сильная тяга к современной западной поп-культуре. На черном рынке по-прежнему можно было купить любые западные пластинки. Разговоры «антисоветского» содержания по сравнению, скажем, с 60-ми годами на кухнях малогабаритных квартир стали вестись все чаще. Иногда за стаканом легкого вина или водки с незамысловатой закуской, а чаще за чашкой индийского чая, который в СССР стал дефицитом. При всем при этом слушали западные поп-группы «Битлз», «Слейд», «Роллинг стоунз», «Дип перпл». «Битлз» очень любили. Даже на службе в армии, куда призывались вчерашние битломаны, им удавалось слушать любимую музыку. Молодежь служила в армии, вступала в КПСС, делала карьеру, а то и просто спивалась, работая в разных НИИ за 100 рублей в месяц. Но все, и те и другие, на домашних вечеринках слушали западные поп-группы и танцевали классический рок-н-ролл под песни Элвиса Пресли.

Мак-Фарен встал, убрал документы в сейф, вышел в коридор, закрыл дверь на ключ, ключ положил в карман пиджака, проверил рукой. «Положил ли? Все в порядке». Спустился в кафетерий, взял кофе со сливками и три сырных крекера. Но мысли были там, наверху, в кабинете. Все, что он прочитал, подтверждало мнение руководства МИ-6: у микрофона русской службы Би-би-си должен сидеть и вести музыкальные программы бывший гражданин СССР, один из тех, кто злословил на кухне над успехами Советов, кому язык кухни был понятен, а время прослушивания западных пластинок доставляло удовольствие. Хотя в МИ-6 считали, что знания поп-музыки для того, кто сядет к микрофону Би-би-си, не обязательно. А Барбара Стоун на что? Действительно, на что? Кстати, что-то она задерживается в Вене, куда уехала на встречу с Ковальзоном.

Давид Ковальзон от заграничной жизни мог ожидать что угодно, но пойти ведущим на русскую службу Би-би-си — об этом он не мечтал, даже испугался. Поп-музыки он не знал, и о чем рассказывать? Ехал он к тете в Израиль, там вроде бы свои, знакомые обещали помочь на первых порах, а здесь, если выгонят из Би-би-си, то это навсегда, и вряд ли израильская тетка чем-то поможет, и куда потом бедному еврею деться? Ночь промучился — что делать? Утром пошел побродить в окрестностях Вены, точнее, того общежития, где жил.

Заграница, конечно, удивляла. Он, Давид Израилевич Ковальзон, здесь, в центре Европы. Светло, уютно, чисто. Москва где-то там, в другой жизни, которой уже не будет. Вместо Израиля ехать в Лондон, там уж точно тетки и никого из родственников не будет. Он не понял, как рядом с ним оказалась Барбара, она два дня с ним беседовала, предложила поехать в Лондон только вчера. Как оказалась она на небольшой венской улочке, Давид понять не мог. Догадался, что она вышла из какого-то переулка.

— Давид Израилевич, здравствуйте, — только и сказала она ему.

Он только и прошептал:

— Здравствуйте.

Встрече был не рад, Барбару начинал бояться.

— Вам, кстати, привет от Саши Маркова, — только и сказала она.

Ковальзон оживился:

— Вот, кстати, кто вам нужен, Марков, он-то все знает. Где он? Как он? Он тоже в Вене?

— Нет, — ответила сухо Барбара, — он остался в Москве, в отличие от вас у него хорошая работа, и покидать свою родину ему не захотелось.

— А ему предлагали? — с надеждой в голосе сказал Ковальзон.

Они стояли на перекрестке небольшой улочки на окраине Вены. Вокруг уютные двухэтажные домики.

Услышав вопрос про Маркова, Барбара холодно посмотрела на Ковальзона.

— Маркову никто ничего не предлагал, он — птица не того полета.

Сбитый с толку Ковальзон хотел пошутить, но потом передумал. Только и спросил:

— А мне от кого предложение?

Симпатичная, высокая, длинноногая Барбара посмотрела на Давида, поджала губы и без тени какого-либо выражения на лице сказала:

— МИ-6. — Повернулась и пошла прочь от Додика.

На следующем перекрестке ее ждал БМВ. Молча села, не оборачиваясь на эмигранта. Машина резко сорвалась с места и исчезла за поворотом. В этот момент она еще больше зауважала Маркова, а к Ковальзону испытала чувство брезгливости, которого накануне не испытывала. Откинувшись на спинку заднего сиденья, только и сказала по-английски:

— Засранец...

Ковальзон посмотрел вслед, как ему показалось, стройной девушке, видел, как она села в БМВ и уехала.

Слова «МИ-6» на Додика особого впечатления не произвело, скорее, БМВ произвел впечатление. Улица с уютными домиками тоже не произвела впечатление. Он на Западе, он мечтал об этом. Развернулся и пошел назад в свое общежитие, где жил в Вене, повторяя при этом на ходу: «Я на Западе. Я на Западе».

* * *

Утром, в 10.00, за Ковальзоном заехала Барбара.

— Собирайтесь, Додик, берите свои вещи, в Вену вы больше не вернетесь. Мы летим в Лондон, рейс через два часа.

Додик собрался быстро, до аэропорта их довез все тот же БМВ, на котором Барбара уехала вчера.

«Я на Западе. Я на Западе», — только и повторял Додик, пораженный Венским аэропортом.

Барбара всю дорогу молчала. Оживилась только в Лондоне. Их уже ждали. Все формальности благодаря Барбаре оказались незамеченными Давидом Израилевичем Ковальзоном. В машину он сел с двумя молодыми людьми. Один из них неплохо говорил по-русски.

— Зовите меня Дэйв, — только и сказал.

Минут через 40 добрались до Лондона. Где он, на какой улице, Давид не знал, правда, ему сказали, но он не запомнил.

— Вот это ваша квартира, — сказал Дэйв, — жить пока будете здесь. Завтра в десять мы за вами заедем. Ну, в общем, добро пожаловать в Лондон.

Когда он ушел, Додик обнаружил, что дверь не имеет ни замка, ни ручки. Открыть изнутри невозможно.

На следующий день в помещении Би-би-си с ним беседовали

Барбара, Дэйв и Клифф Мак-Фарен. Для Ковальзона они — все сотрудники русской службы Би-би-си. Попробовали даже записать голос — ничего, понравилось.

Через неделю начались регулярные занятия, каждый день по 6 часов. История музыки, история КПСС, новые и старые английские пластинки. Барбара строго следила, чтобы он пополнял свои музыкальные знания, Дэйв занимался политикой. Пробовали сделать несколько программ, так называемых пилотов. Сказать честно — не очень-то получалось. Стали еще упорнее работать. Додик не выдерживал, впадал в истерику, рвался к тетке в Израиль. Барбара в одну из таких истерик принесла расписание авиарейсов на маршруте Лондон — Тель-Авив и предложила выбрать рейс и сообщить тетке о дате приезда. Барбара не церемонилась с Додиком, честно, ей никогда не нравились предатели. Додик — это работа, борьба идеологий. И победить должны были они, Барбара, Дэйв, Мак-Фарен, Би-би-си и МИ-6.

Москва. Июнь 1974 года

Как-то в конце июня выйдя из метро «Смоленская», рядом с которым жил, Марков лоб в лоб столкнулся с Зайцевым. Тот работал в МИДе, иногда виделись, но не часто. Оба были рады встрече. Зайцев почти захлеб рассказал о том, что на днях с друзьями по работе был в ресторане «Столичный», видел Толика Минаева, у него отличная группа. Договорились в ближайшую субботу взять жен и поехать в ресторан «Столичный» отдохнуть, потанцевать. Зайцев пообещал позвонить Минаеву, попросить заказать столик.

Жена Зайцева, длинноногая блондинка Лена, хорошо танцевала, свободно владела английским и была совершенно без какого-то снобизма, присущего женам мидовских сотрудников. Наташа, жена Маркова, была немногословна, но при всем при этом умела интересно рассказывать — сказывалась, наверное, преподавательская деятельность аспирантки и будущего врач-стоматолога. Несмотря на свою скромность, отлично танцевала рок-н-ролл.

Группа в ресторане была отличная, а народу в субботу — яблоку негде упасть: фарцовщики, путаны с иностранцами, «деловые люди», продавщицы и продавцы из «Березки», слесаря и мастера станций ремонта автомобилей. Все с женами, а скорее всего, с подругами — кто же жен возьмет с собой в разгул страстей и безудержного веселья, с подругами в такой обстановке проще.

Музыкантам, конечно, доставалось по полной — играли без перерыва и, кстати, играли практически все, что хотели, это вам не официальная эстрада, не Москонцерт и филармония — это кабак. Здесь деньги и музыка. Кстати о деньгах: Минаеву плохо-бедно, но удалось, работая в кабаке, скроить на «Жигули» 1-й модели, благо теще на работе выделили машину как передовику производства. А экзамены на водительское удостоверение помог сдать замначальника ГАИ на «Подкопаевке», который, кстати, в гражданской одежде и в компании, тоже, наверное, милиционеров, отмечал день рождения какой-то своей знакомой.

Официанты многих знали в лицо и поэтому старались обслуживать как можно лучше: врач-стоматолог нужен, фарцовщик — нужен, а кто же скажет, что не нужен слесарь автотехцентра, — нужен! Вот Зайцева и Маркова видели впервые, но Минаев Толик сказал: «Свои люди». Что ж, раз надо, так обслужим, свои, так свои, нам что. Жалко?

Зайцевы и Марковы повеселились от души. В перерыве к ним подсел Толик Минаев, он-то и сообщил, что Саша Коган уехал в Америку, а До-дик Ковальзон уехал в Израиль. И Зайцевы, и Марковы промолчали — никакой реакции, такие отъезды вслух лучше не комментировать, хотя Коган играл и пел на свадьбе у Марковых.

Практически весь 1974 год МИ-6 совместно с русской службой Би-би-си активно работала над проектом «Сева Шаргородцев». Поначалу казалось, что Давид Ковальзон не тот, кто был нужен на эту роль, правда, и Барбара, и Дэйв пытались отстоять его кандидатуру, но иногда и им казалось, что вряд ли что получится путного. Сева явно не оправдывал их надежд. Барбара родила ребенка и несколько месяцев не принимала участия в проекте. Когда появилась вновь, в ноябре, у Додика Ковальзона стало что-то получаться у микрофона. Барбара стала писать ему музыкальные новости, принуждала быть более активным и инициативным.

Дома Барбара забывала про Додика, целиком посвящая себя заботам о маленькой дочке Кристи, очень похожей, как казалось Барбаре, на Сашу Маркова.

В общем, в МИ-6 решили в 1975 году попробовать Севу Шаргородцева в эфире Би-би-си и последить за реакцией советский людей, сидящих у радиоприемников в различных городах огромной страны, а главное, почитать их письма, которые придут в адрес Би-би-си.

Когда появились первые письма слушателей, их очень внимательно проанализировали. Барбара стала подбирать пластинки, а Сева Шаргородцев — заучивать тексты и мысли МИ-6. Сам-то он, как показала жизнь, мало что мог. Поп-музыки он как не знал, так и не знал и, что удивительно, не хотел знать, доверял знаниям Барбары и тем сведениям, что черпал из текстов, прошедших цензуру. Он жил и работал в Лондоне, не приобщаясь к английской культуре и к тому, что происходит вокруг. Ну так жизнь на Западе лучше, конечно, чем в СССР, но очень уж скучно. Деньги у Додика появились, он пару раз здорово напился. Пытался поухаживать за Барбарой, но ее сухость и ссылки на бездарность Додика отпугнули его от нее навсегда. С проститутками ему было запрещено общаться.

* * *

К 1975 году карма «Битлз» улетучилась. Разделенным на 4 части участникам группы стало ясно, что их сольные проекты как-то быстро потеряли былую привлекательность у публики. Пожалуй, только Пол Маккартни держался молодцом со своей

группой «Wings», выпускал хорошие пластинки, а на концертах собирал стадионы. Он исполнял песни «Битлз». Другие, например Джордж Харрисон, отказывались это делать и были жестоко наказаны публикой. В США его турне 1974 года проходило при пустых залах. Леннон понял первым, что совершил ошибку. Йоко Оно больше не радовала, скорее раздражала, он ушел от нее к южнокорейской модели Мэй Пэнг, дочери миллиардера, владельца концерна «Дэу». С Мэй Пэнг они скрывались от назойливой прессы на ранчо в Лос-Анджелесе. К ним присоединились Ринго Старр и ударник группы «Who» Кейс Мун. В тот период алкоголь, наверное, был единственным средством, помогавшим заглушить боль от потери «Битлз». К 1974 году эта потеря была очевидной. Для прессы они превратились в новости вчерашнего дня, мало кому интересные, да и для себя, пожалуй, тоже. Публике каждый по отдельности они, как оказалось, были не очень-то и нужны.

Но алкогольная компания к лету 1975 года распалась как-то сама собой. Мэй Пэнг уехала к отцу в Южную Корею. Леннон вернулся в Нью-Йорк к Йоко Оно, Ринго отправился в Европу, во Францию, отдохнуть на Лазурном берегу. В 1975 году подтвердилось мнение Пола Маккартни об Алене Клайне, которого Ринго, Джордж и Джон выбрали в 1969 году в качестве менеджера. Пол был против и оказался прав. Суд Нью-Йорка осудил Алена Клайна на 8 лет за мошенничество, в частности с активами «Битлз».

В Нью-Йорке Йоко Оно оборудовала на последнем этаже Дакота-Хауса, где они жили на 72-й улице, студию звукозаписи, своеобразную золотую клетку. Порой целыми днями Джон проводил среди неясных звуков и незаконченных песен, не зная, удастся ли когда-нибудь ему воспользоваться всем этим.

* * *

24 октября 1974 года умерла министр культуры СССР. Это про нее говорили: «в СССР министр есть, а вот культуры нет» — ну это как сказать. Жесткий, конечно, человек, и не со всеми деятелями культуры у нее все складывалось гладко. При ее жизни руководство советской культурой воспринималось как должное, в соответствии с установками партии и правительства. Все это Дэйв и Клифф объясняли Додиду Ковальзону. Оба сразу почувствовали, что Додик не особенно-то и разбирался, зачем такой министр нужен был СССР и почему страна имела то, что имела. А он, Давид Израилевич Ковальзон, вперемежку с песнями

«Дип перпл» и других английских групп, популярных у советских радиослушателей в передаче «Севооборот» (это так ему придумали Дэвид и Барбара) не всегда удачно, а иногда и зло шутил из Лондона в адрес советской культуры. Впрочем, это шутил не он, а Сева Шаргородцев, ну, в общем, как прочитал, так и пошутил.

О смерти министра культуры Саша Марков, сотрудник протокольного отдела Минвуза, услышал из уст замминистра высшего и среднего специального образования СССР в депутатском зале Киевского вокзала, где с другими ответственными сотрудниками Министерства встречал делегации министров образования соцстран, бывших на совещании в Киеве и теперь вот возвращающихся в Москву. Поезд задерживался минут на 20, никто никуда не торопился. Рассказывали, что в день смерти ее «отчитали» на политбюро ЦК КПСС за якобы незаконное строительство дачи, а вернувшись домой, она получила сообщение ТАСС о том, что двое наших ведущих исполнителей, гастролировавших в Европе, в интервью журналу «Штерн» заявили о своем намерении остаться на Западе. Два мощных удара за один день. Пошла в ванную, держа в руках сообщение ТАСС, сердце не выдержало, так и умерла в ванной, зажав в кулаке страничку неприятного сообщения.

Услышав все это, Марков задумался, ведь он знал министра лично, был у нее в кабинете, пил чай с ее любимыми горчичными сушками. Она искренне верила, что рок- и бит-группы нам нужны, ну, может, не в том виде, как на Западе, но лично министр ничего в этом не видела плохого. Но что оно так все получится, как получилось, вряд ли она это все могла предвидеть, окруженная малокомпетентными чиновниками. А что другого могло получиться, кроме безликих ансамблей с псевдорусскими названиями: «Добры молодцы», «Самоцветы», а также «Веселые гитары», «Друзья», «Поющие гитары», «Ариэль», «Голубые гитары», «Цветы», «Пламя».

Но Марков перестал думать на эту тему, пора было идти встречать поезд из Киева, сейчас для него это было самое важное.

Ресторан гостиницы «Белград». Григорий Свободкин и Игорь Кранов, руководители уже популярных на эстраде вокально-инструментальных ансамблей «Веселые гитары» и «Друзья», были приглашены на день рождения 40-летней Татьяны Васильевны Громовой, директора универмага «Москва». Свободкин и Кранов вышли покурить. Закурили.

— А ничего играют в этом кабаке, — сказал Свободкин, — профессиональные ребята.

— Да, — затягиваясь, сказал Кранов. — Спросил, как третью пластинку записали, — записали, выйдет в декабре.

— Да, долго что-то, ну это «Мелодия», — развел руками Свободкин, — там очередь среди ансамблей. А у тебя как вторая продалась? — поинтересовался у Кранова.

— По данным гонорарного отдела, расходуется хорошо, да и концертов сейчас много, так что с деньгами нормально.

— Слышал группу «Машина-Грузовик», это новое явление на эстраде, далеко пойдут. Песни пишет Андрей Захаревич, резвый мальчик, — затягиваясь, сказал Свободкин. — Играют настоящий рок-н-ролл, звучат хорошо, выступают часто, иногда заключают договор с какой-либо филармонией, песни расходятся в магнитофонных записях, тексты, конечно, очень оригинальны, сильные мальчики. Откуда этот Захаревич, — поинтересовался Свободкин, — родители кто?

— Ты что, не знаешь, кто отец у Захаревича? — И прошептал на ухо, подальше от других курильщиков, стоявших рядом.

— Да ты что? — только и сказал Свободкин. — Ну это многое объясняет.

— Там вообще не все так просто. Ударник Кавабуке, у него отец японец, представитель японских авиалиний в Восточной Европе и Монголии. Отсюда и классная аппаратура.

Свободкин задумался: выступать открыто против Захаревича после того, как он услышал, что, кто и как, не имело смысла, но злость и зависть еще больше закипели внутри.

— Думаешь, мне это нравится? — спросил Кранов. — Год-два — и таких «Грузовиков» расплодится в Москве и Ленинграде видимо-невидимо.

— Да. А что же делать? — несколько растерянно спросил Свободкин.

— Да не паникуй ты. У тебя в прессе есть кто-нибудь? — гася сигарету, спросил Кранов.

— Ну, найти можно.

— Ну вот и поищи. Я вернусь с гастролей в сентябре, помогу тебе. Статейка-то нужна простая, типа «Кому нужен такой Грузовик на нашей дороге?» или что-то в этом роде. Согласен, самодеятельность, да еще талантливая, нам не нужна. Мы сами разберемся, и слова советские поэты пишут ничуть не хуже какого-то там Захаревича, главное, правильные. Ну, пойдем к Танечке, а то там заждались небось...

Антракт кончился, начались танцы. Пятница. В зале многолюдно. Кроме Громовой какой-то юбилей справляли и стоматологи, ну это в начале зала. Ну и так, разной публики было много. Гуляли от души, и официанты старались вовсю: и стоматологи им нужны были, да и в универмаге «Москва» работали не последние люди.

* * *

Статья «Зачем такой Грузовик на нашей дороге?» появилась в «Литературной газете» в конце декабря 1975 года. Злая, необъективная статья была написана в стиле анонимки, письма без подписи. Но подпись была — Александр Иваницкий. Для рядового советского человека все, о чем было написано, было достаточно тревожно: тексты песен с неясным подтекстом и не нашим душком; музыка явно не нашей эстрады — все это транслируется бытовыми магнитофонами и расходится по всей стране, и многие самодеятельные ансамбли слепо подражают сомнительному коллективу, копирующему западную манеру исполнения, забывая о славных традициях отечественной эстрады. И действительно, зачем такой Грузовик на наших славных эстрадных дорогах?

* * *

За несколько дней до Нового, 1976 года у московской обувной фабрики «Парижская Коммуна» был юбилей, да плюс еще Новый год. Концерт в Доме культуры был очень солидным, все мастера советской эстрады. Во втором отделении приглашена была и группа «Машина-Грузовик». Первое отделение юбилейного вечера закрывали Шуров и Рыкунин, мастера разговорного жанра, они уходили на антракт под аплодисменты вместительного и уютного зала. За кулисами уже собирались участники «Машины-Грузовика». Андрей Захаревич и бас-гитарист Александр Кусиков

обсуждали с баянистом Людмилы Зыкиной, который специально остался послушать «Грузовик», статью в «Литературке». В общем-то, люди искусства к нападкам и злобной критике всегда относились спокойно. Переодеваясь, Шуров и Рыкунин тоже присоединились к обсуждению. Талантливых людей всегда травили.

— Вспомни, Коля, — обращаясь к своему напарнику, сказал Шуров, — как Бернесу досталось в пятьдесят восьмом. «Комсомолка» его просто разгромила. А ведь он был популярным киноактером, певцом, его песни знали миллионы.

Захаревич, подыгрывая себе на гитаре, запел:

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил...

— Мы тогда были на гастролях в Красноярске, испугались здорово, ну, думаем, началось, травля на эстраду.

— А что, думаете, на Зыкину не нападали? — спросил баянист, которого все между собой звали Костя. — Только вернулись из Парижа, как в той же «Литературке» такой пасквиль напечатали.

— Да вы, ребята, не расстраивайтесь, — это уже Рыкунин, переодевшись и смыв грим, присоединился к обсуждению статьи, — кого Бог обидел талантом, всегда завистлив. Вы только начинаете, так вас сразу хотят убрать. Ищите, кому вы мешаете, оглянитесь на другие ансамбли.

— Точно-точно, — подтвердили Шуров и Костя, — а этот Иваницкий — сам большая бездарность. А ведь известно, бездарность с бездарностью всегда договорится. Работайте спокойно, не раскисайте.

— Где уж тут успокоиться, — вздохнул Захаревич.

— Нет, раскисать не надо, — уверенно сказал Костя, — мы все проходили через это. Несправедливо. Обидно. Зыкина, помню, два дня рыдала после той статьи, успокаивали как могли.

За разговорами не заметили, как кончился антракт. «Машина-Грузовик» пошла на сцену, их выход был встречен бурными аплодисментами. Шуров и Рыкунин, уже в дубленках и шапках (за ними пришла машина, их ждали на другом концерте), все же задержались за кулисами, послушали немного группу — их уже торопили. Все-таки одну песню дослушали. Уже в машине Шуров покачал головой, сказал:

— Ну что же, имеет место быть, это ведь авторская песня.

— Авторская песня с более современным аккомпанементом, — согласился Рыкунин. — И почему у нас

всегда так талантам не помогают, травят, а бездари пробиваются, да еще с хорошими ставками за концерты.

Лондон. Би-би-си. Русская служба.

Июль 1976 года

Писем из СССР в адрес Русской службы стало приходить все больше. Севу Шаргородцева стали просить обо всем, например, прислать пластинку той, или иной группы: «Ну что Вам стоит, Сева, у Вас в Лондоне ведь это есть в избытке, а у нас в городе об этом и не слышали». Чего только не просили: зубную пасту, пасту для обуви, лекарство для мамы и папы. «Сева, ну что Вам стоит?» Барбара посчитала, что только на первую половину 76-го года сумма просьб составила 540 тысяч 286 фунтов. Не больше не меньше. Действительно, ну что Вам стоит, Сева? В нашем городе этого нет, а в Лондоне есть все.

В МИ-6 понравилась популярность Севы, писем было много. На всякий случай Севе напоминали, чтобы никому ничего не обещал, таких денег у Би-би-си нет, а за свой счет может посылать что угодно и кому угодно. Додик Ковальзон, испугавшись, написал объяснительную. Он и так не очень-то понимал, нравится ли в СССР его передача или пишут так, попросить что-либо. А вдруг придет? Во всяком случае, передачу слушали. Барбара внимательно следила за всем этим, читала письма, часто возмущалась на слезные просьбы. Но были и дельные советы, сообщения. Из одного письма вынула статью из «Литературной газеты» «Зачем такой Грузовик на нашей дороге?». Показала Додику:

— Что-нибудь знаешь о группе?

— Да, слышал. Они начинали где-то в конце 68-го года, я видел-то их пару раз. Дети состоятельных родителей. У Андрея Захаревича папа большой начальник в Москве, не знаю кто, но знаю, что начальник. Ударник у них Сережа Кавабуке, японец, отец у него представитель JAL в СССР.

— Вот как, — только и сказала Барбара.

Они сидели, пили кофе в музыкальной редакции Русской службы Би-би-си, но Додик где-то в душе запаниковал.

— Я о «Машине-Грузовик» ничего не знаю и сказать ничего не смогу.

Барбара отхлебнула кофе из своей кружки:

— Можно подумать, Додик, вы говорите в эфире обо всем, что хорошо знаете. Надо будет — и расскажете. А сейчас забудьте эту группу. Вот, почитайте текст для сегодняшней записи.

— Да, кстати, — сказал Додик, — Марков наверняка знает все

об этой группе, вот кого надо спросить.

— Придет время, спросим, — сказала Барбара, но насторожилась.

Что это он вспомнил Маркова? Что имел в виду?

— Я его видел перед отъездом, — продолжал Додик, — знаю, что он женился, что у него дочь, работал он, по-моему, где-то в горкоме комсомола. Но в Москве уже знали, что я подал заявление на отъезд к тетке в Израиль, так что Марков, как и многие бывшие друзья, избегал со мной встречаться.

— Ну и правильно! Честный советский человек, член КПСС, что у него общего с человеком, покидающим Родину, — улыбнувшись, сказала Барбара.

Додик давно уже не обращал на ее «подколы» внимания.

— Ну все, — сказала Барбара, вставая, — пойдем делать передачу. — И направилась в студию.

Додик допил кофе и с большим нежеланием последовал за ней.

Москва. Июль 1976 года

В 1976 году Марков очень активно работал в Минвузе, встречая и провожая иностранные делегации, а также организовывая прием иностранных граждан в СССР. Марков много мотался в служебной машине по Москве, постоянно навещая аэропорт «Шереметьево-1», очень часто, иногда по два раза в день.

Иногда в машине он нарывался на музыку вокально-инструментальных ансамблей. Слушать все это было неинтересно, иногда и смешно — как-то это все было непрофессионально. В Англии и вообще на Западе была другая музыка, уж очень все по-любительски получалось у наших. Поляки, чехи, венгры и немцы из ГДР играли совершенно другую музыку, копируя западные стандарты, но сохраняя при этом национальный колорит. Практически все группы соцстран были сильнее наших отечественных ансамблей. Марков несколько раз с женой и друзьями ходил на выступления ансамблей из Польши, Чехословакии, Венгрии, а вот на наших ансамблях было все скучно и безлико, хотя хорошие отношения сохранились и с Игорем Крановым, и с Григорием Свободкиным. Билеты на выступления можно было достать всегда. Но дома была коллекция пластинок лучших английских, американских групп и ансамблей, и особого желания после рабочего дня идти на концерт отечественных ансамблей не было. Его подружки из моисеевского ансамбля, Наташа и Антонина, почти всегда привозили из загранпоездок Саше Маркову новые пластинки, так что он всегда был в курсе того, что происходило на Западе, и по-прежнему слушал свой приемник «Зенит» (один из лучших радиоприемников 60-х годов), слушал американский, английский хит-парад, радио «Люксембург» и другие европейские станции. По понедельникам покупал в киоске «Союзпечати» польскую молодежную газету «Штандарт молодых», где печатались английский и американский хит-парады. В общем, всегда был в курсе.

Севу Шаргородцева на Русской службе Би-би-си послушал несколько раз — не впечатлило. Антисоветчина так и перла от этого Севы, все очень зло — и при чем тут музыка? Сразу стало ясно, что ничего-то в музыке этот Сева не мыслит. Так, тчет чужих слов. А ведь раньше, в 60-х, Русская служба была на высоте, хорошая музыка, всегда свежие хиты и отличные переводы названий песен на русский язык. И куда смотрит

Барбара Стоун? Иногда Марков ловил себя на мысли, что ему обидно за Русскую службу, за ее бывшие отличные музыкальные передачи без политики. И надо же было Би-би-си опуститься до уровня Севы Шаргородцева! Слушать это все было невозможно, и Марков, как и многие другие его знакомые, увлекавшиеся поп-музыкой, перестал слушать Севу.

В 1976 году Марков случайно встретил во дворе Сергея Кострова, который в 74-м вернулся из Египта и уже третий год работал представителем «Совморфлота» в Париже.

— Привет, Серега! — только и сказал Марков, вылезая из служебной «Волги». — Ну как там Париж, нормально? Башня на месте?

— Вот, приехал в отпуск. Отдохну и обратно еще на годик, — ответил не без апломба Костров. — Ну а ты как?

— Да так, тружусь в Минвузе, уже замначальника протокольного отдела, — ответил Марков.

— За рубеж когда? — спросил Костров.

— Ну, это не от меня зависит, — улыбнулся Марков, — думаю, что на будущий год, у нас в Египте меняется представитель.

— Ну что, в Египте хорошо, — сказал Костров.

Поговорили еще минут пять и разошлись.

Костров пошел собираться в отпуск, а Марков пошел домой отдыхать. Египет когда еще будет, да и Кострову он сказал об этом ради красного словца — не все ж ему одному выпендриваться, а то Париж да Париж.

Октябрь 1978 года. Эль-Маади, пригород Каира

У Маркова получилось то, что и должно было получиться при его активной работе. В 1977 году он уехал представителем Минвуза СССР в Египет. В его распоряжении было 180 преподавателей и два учебных центра. Шел второй год пребывания Маркова в Египте. Он успел притереться к коллективу, а коллектив успел приглядеться и привыкнуть к своему руководителю.

В большой и просторной квартире Марков жил один. Жена была занята на работе и приезжала к нему в феврале. Он старался не сближаться ни с кем из коллектива. Там было три семьи, которым он мог доверять, остальных держал, как он говорил, на расстоянии вытянутой руки. Только рабочие отношения, этого сколько угодно.

Из Москвы он привез проигрыватель, усилитель, небольшие колонки и магнитофон «Техникс», все купил в «Березке». Пластинки были — советские вокально-инструментальные ансамбли и, конечно, западные. Что-то купил здесь, в Каире, что-то привез из Москвы. В Египте было всего два магазина, торговавшие виниловыми пластинками, один в Каире и один в Александрии. Из-за очень жаркой погоды хранить пластинки можно было в специальных магазинах с кондиционерами, а это дорого, поэтому магазинов было два, да и цены кусались, так что особого изобилия не было.

Четверг и пятница для преподавателей были выходными днями. Четверг полагался по контракту, а пятница — общемусульманский выходной день. Посольство СССР отдыхало в пятницу и субботу. По Каиру Марков передвигался на белом новом микроавтобусе «фольксваген» с арабскими номерами, полагавшемся по контракту.

В один из четвергов начала октября Марков поехал в магазин за продуктами и в большом супермаркете столкнулся с Барбарой Стоун.

Только и спросил:

— Ты ли это?

— Я, — ответила она, — у родителей здесь дом, бассейн, сад.

Привезла им на зиму дочку.

Окаменевший Марков только и спросил:

— У тебя есть дочь, а муж?

— А вот мужа нет, — улыбаясь, ответила Барбара. — а вот и она, Кристи, дочь.

С большим плюшевым медведем из-за стелажей появилась девочка 5 лет и сразу стала просить у матери купить медведя. Мать ответила отказом:

— У тебя что, медведей нет?

— Есть, — сказала девочка, — но этот такой хороший.

У Маркова дома осталась 7-летняя дочка, и он очень скучал без нее.

— Давай я куплю, — только и нашел что сказать Марков, глядя на девочку.

Он не мог отделаться от мысли, что она похожа на его дочь, прямо наваждение какое-то. Ну как тут не купить медведя?

Марков купил все, что хотел, и все-таки, ошарашенный встречей, пошел к кассе, положив в тележку большого плюшевого медведя. Кристи, находясь рядом с матерью, вся извертелась: где дядя с медведем? Из магазина она уже выходила со своей новой игрушкой.

Марков все-таки не мог прийти в себя. Барбара, тоже. Вышли из магазина.

— Ты с машиной? — спросила Барбара.

— Да, — ответил Марков, — вон мой белый «фольксваген», подвезти?

— Нет, у меня машина отца, «вольво». Поедешь за нами, — тоном, не терпевшим возражений, сказала Барбара, — у тебя как, время есть?

— Да, я сегодня выходной, — ответил Марков.

— Ну, тем лучше, — сказала Барбара, — проведем день вместе.

Марков помахал рукой Кристи, которая разместилась на заднем сиденье и смотрела на дядю, который купил ей медведя.

Родители Барбары жили в старой, очень зеленой части района Эль-Маади, построенного англичанами в конце XIX века. Очень уютный район, утопающий в экзотической зелени. Барбара пропустила Маркова во двор под навес, с улицы машину видно не было. А зачем ей светить Маркова, русские тоже живут в этом районе, мало ли что?

Кристи уже показывала бабушке с дедушкой новую игрушку. Барбара представила Маркова родителям. Оказалось, они про него знали еще с 60-х годов, но вот увидеть его в Каире ожидали меньше всего. Тем не менее Марков им понравился. Они его пригласили на обед, к большому удовольствию Барбары.

Марков поднялся к Барбаре. Кристи с няней обедала отдельно. Выходя из дедушкиного кабинета, куда Барбара

пригласила Сашу, она спросила его:

— Ты еще к нам придешь?

— Саша останется у нас обедать, — сказала Барбара.

— А, — сказала девочка, — я тогда к вам приду.

Кристи повернулась к матери, взяла медведя и пошла с няней.

И что-то в этом повороте, в этом личике было очень знакомо Маркову. Он гнал от себя эти мысли, но полностью отогнать не мог.

Барбара, по-прежнему стройная, симпатичная, с волевым лицом, в джинсовой юбке, в белых носочках и теннисных туфлях «Данлоп», сидела на отцовском кожаном диване, положив ноги на него. Затем встала, подошла к Саше и крепко обняла его.

— Ну, здравствуй, — только и сказала.

Следующий вопрос сразил Маркова наповал:

— Как тебе наша девочка?

Вот что Маркову не давало покоя! Кристи похожа на его дочь Варю Маркову.

Они поцеловались. Он только и сказал:

— Что же ты молчала?

Она не ответила. Действительно, как она могла найти Маркова, не повредив ему?

— А твои родители знают, кто отец ребенка?

— Нет, не говорила и говорить не буду. Сказала, что сама не знаю, только догадываюсь. Да это их и не интересует. Они любят Кристи, души в ней не чают.

Марков рассказал, что он делает в Египте и где живет. Оказалось, что переулками здесь не так далеко, минут семь пешком.

— Кстати, Саша, — сказала Барбара, — где-то через год я приеду в Москву шефом Московского бюро Би-би-си и наша девочка будет со мной.

«Час от часу не легче», — только и подумал Марков.

Вечером Барбара зашла к Маркову. Он жил в бельэтаже 1-го этажа в просторной уютной трехкомнатной квартире.

— Уютно, — только и сказала Барбара.

Разобрала постель, как бы приглашая Маркова присоединиться. Он не раздумывал и не возражал.

Утром они позавтракали, попили кофе.

— Ну, как там Додик? — спросил Марков.

— А никак, дурью мается, — ответила Барбара, — ты сам-то слушаешь?

— Нет, — ответил Марков, — нудно, скучно, безрадостно как-то, раньше лучше было, не было антисоветской пропаганды.

— Ну, знаешь, — возмутилась Барбара, — это не от меня, зачастую он и сам лезет в политику, мы его за это ругаем. Но мне все это надоело, вот и попросилась шефом Московского бюро Би-би-си.

— Ты уедешь, а Сева останется и будет чушь всякую нести, — улыбнулся Марков.

— Да и хрен с ним! — по-русски сказала Барбара.

Москва. Апрель 1983 года. ДК «Силовик»

Григорий Свободкин приехал в ДК «Силовик» на встречу к Игорю Кранову, у которого там была репетиционная база. К 17.00 музыканты группы уже разошлись, аппаратуру свернули и Кранов мог свободно поговорить со Свободкиным. В 17.00 как раз открылся буфет, до киносеанса еще два часа, посетителей немного, так, участники различных кружков. Тихо, уютно. Заказали по чашечке кофе со свежими эклерами.

— Ну, что случилось? — улыбнулся Кранов.

— Да случилось, — отхлебнув кофе, сказал Свободкин. — Конец нам наступает с нашими вокально-инструментальными ансамблями.

Положил на стол листок, напечатанный на машинке, — список рок-ансамблей. Кранов принялся его читать. Всего 30 ансамблей из Москвы и Ленинграда. Кранов прочитал названия, многие он и не знал: «Круиз», «Аракс», «ДДТ», «Аквариум», «Автограф», «Звуки Му», «Бригада С», «Браво», «Зоопарк».

— Ну и что, самодеятельность, мы это уже проходили.

— Нет, это уже другое, — как-то нервно стал объяснять Свободкин, — эти играют настоящий рок и даже очень хорошо организованы, настоящие сыгранные коллективы, тексты залитованы, антисоветчины не поют. Половина из этого списка очень даже хорошие коллективы, особенно те, которые из Ленинграда. Там у них есть рок-клубы, чекисты за ними следят, да и в Смольном в курсе дела, все под присмотром. Песни распространяются на магнитоальбомах, все расходуется по стране. Музыка другая, чем у нас с тобой, год-два — и мы будем не нужны. Перестроиться мы не сможем, тексты, такие как у них, у нас никто не пишет. У мальчишек другие головы, потом они знают весь этот рок-н-ролл, чего мы с тобой до сих пор так и не познали.

— Ну у меня музыканты кое-что знают.

— Вот именно, что музыканты, но не ты, ни я. Мы так, нахватались верхов, ну книжек каких-то начитались.

Встал, подошел к прилавку, купил бутылку «Боржоми», увидел армянский марочный, спросил Кранова, как насчет коньяка.

— Ну, можно грамм по сто, — ответил Кранов, — и шоколадку не забудь.

Выпили, закусили шоколадкой. Кранов еще раз взглянул на список:

— А в Минкульте говорил?

— А что в Минкульте? Ну напишут письмо, рекомендуют филармониям не приглашать эти коллективы, ну и что за этим следить надо. А кому?

— А чекисты?

— А что чекисты? У них новый председатель, который вряд ли будет резко рушить молодежную культуру. Генеральный секретарь ЦК КПСС тоже из чекистов, велено ко всему этому присмотреться.

— А кто же их записывает на ленту? — поинтересовался Кранов. — Не «Мелодия» же?

— Нет, не «Мелодия». Пишутся в домашних студиях, а потом сводится все на «Мелодии». Проконтролировать звукорежиссера в ночную смену, чем он занимается, невозможно. Вот он все и доводит до ума на многоканальном аппарате.

— И что ж, получается, что нас обошли? — спросил Кранов.

— Получается, что да, обходят.

— Слушай, — сказал Кранов, — ну есть же в газетах свои журналисты, пусть напишут про пошлость, низкий художественный уровень текстов песен, что нашей молодежи это не нужно. Статей пять в разных газетах, а в Ленинграде, в «Смене», есть у них такая газетка. И покруче, что-то типа «Пикник на обочине», «Аквариум из чулана». Может, еще и поиграем.

— Поиграем, Гриша, не знаю сколько, но точно поиграем. Дай-ка мне этот листочек, я покажу кое-кому.

На том и порешили. Еще поговорили, выпили еще по 100 граммов и к киносеансу разошлись.

Москва. Октябрь 1983 года

Саша Марков, одевшись потеплее, пошел погулять по Арбату. Несколько дней назад он вернулся из Южного Йемена, где провел год. После 56-градусной жары и 99 %-ной влажности +5° в Москве казались лютым морозом. Но дышалось легко, и вообще настроение было хорошим. Задумался: может быть, выпить пива? Но пивная во дворе его дома в Карманицком переулке не прельщала длинным застольем и наличием захмелевших подозрительных личностей. Прошел мимо, вышел опять на Арбат.

— Эй, товарищ Марков! — его окликнули.

— Коля Зайцев! Ну, Зайцев, ты даешь! — только и сказал Марков и посмотрел на спутника Зайцева.

— Кстати, помнишь Диму Скворцова, ударника «Виражей»? Только что вернулся из Египта, а я вот через месяц буду в Индии, можешь поздравить, первым секретарем. Слушай, мы тут хотели пообедать где-нибудь, ты как?

— Можно, — согласился Марков, — а вот шашлычная «Риони» уже открылась.

— А что, по шашлыку с харчо можно.

Разделись, сели в дальнем углу, с улицы не видно, а то языки у завистников длинные. Заказали, что хотели.

— Ну, ты как, где? — спросил Зайцев у Маркова.

— Да вот, только вернулся из Южного Йемена, год в жаре, сейчас в отпуске, дышу свежим воздухом.

— Там жарко, это точно! — сказал Скворцов. — В Египте тоже жарко, но там влажность четыре процента.

Принесли лобио, сациви, все вкусно, начали есть.

— Ну а музыку не забыл в Йемене, там пласти-нок-то нет, наверное? — спросил Зайцев.

— Только кассеты, и то плохого качества, в основном арабские, — подтвердил Марков.

— В общем-то, записи и пластинки брал с собой, да радио на коротких волнах слушал, в основном Би-би-си, хит-парады.

Перешли к харчо, спиртного не брали, — Зайцеву и Скворцову надо было возвращаться в МИД. Так, «Тархун» и «Боржоми».

— Давно не ел харчо, — только и сказал Марков, — кстати, у меня там, в Йемене, были любимые альбомы: «Примус», «Аквариум», «Пикник», «Круиз», «Воскресение». Интересная музыка, доложу я вам. Это не «Самоцветы», «Веселые гитары», «Друзья», «Добры молодцы». Самое главное, они играют хороший

рок.

— Да, — доедая харчо, сказал Зайцев, — мне «Примус» нравится. В Йемене их песни слушал.

— «Девушка сегодня в баре» или «Баба Люба» — тоже класс, — сказал Марков.

— Их, правда, всех в прессе ругают, — заметил Скворцов, — из Ленинграда газету привезли, «Смена», статья разгромная «Пикник на обочине». «Пикник», группа такая, очень необычная.

Принесли шашлык.

— А что же «Веселые гитары», «Друзья» и иже с ними? — после долгой паузы спросил Марков.

— А ничего, страдания импотентов продолжаются, — улыбнулся Зайцев. — Они на эстраде выступают, народ ходит, но молодежь ходила бы на «Воскресение», «Машину-Грузовик», лидер их Андрей Захаревич, кумир, песни хорошие пишет. Но против них кампания в прессе, Минкульт ополчился. Все понимают, что это уже сложившиеся музыканты, и из «Воскресения» или «Круиза» никто к Свободкину не пойдет.

— А чего к нему идти, — сказал Зайцев, тщательно прожевывая шашлык по-карски, — как был дуб-дубом, так и остался.

— Это точно, — сказал Скворцов, — ты посмотри пластинки «Веселых гитар», там нигде не сказано, кто в группе играет, а есть некая безликая масса музыкантов, которая и записала ту или иную пластинку. А сейчас в группах личности и зачастую очень хорошие музыканты. И кому этот Свободкин с Крановым нужны?

— Слушай, Марков, вот о чем тебя попрошу, — сказал Зайцев, — я-то скоро уезжаю в город Дели, а вот Лена, жена, придет где-то месяца через два. Запиши ей новые группы и песни, а вокально-инструментальные страдания она купит на пластинках.

— Конечно, сделаю, — сказал Марков, — запишу и передам. Кстати, в Индии выпускают все западные пластинки.

— Вот и хорошо, — сказал Зайцев, — будем покупать.

Посмотрел на часы:

— Ну, нам пора.

Обед подошел к концу, расплатились, и все втроем вышли из шашлычной «Риони».

В Москве — 38 градусов. Очень холодно. Но в уютном «лексусе» Александра Михайловича Маркова на заднем сиденье тепло и очень комфортно, можно вытянуть ноги, что он и сделал.

Ленинградка полупустая, многие автомашины не завелись. Проехали площадь Белорусского вокзала, выехали на Тверскую, на чуть скользком, чуть сухом от морозного ветра асфальте «лексус» вел себя очень солидно. Марков попросил водителя перестроиться и ехать помедленней, держась рядом с тротуаром. Как-то неожиданно для себя он попал на Тверскую, бывшую улицу Горького, через 40 лет, когда он был молод, полон сил, энергии и уверенности, что у него в жизни все сложится нормально. Попросил водителя притормозить у казино. «Лексус» солидно встал на стоянку. Марков застегнул дубленку, надел шапку, сказал водителю подождать и вошел туда, где раньше, 40 лет назад, было кафе «Молодежное». Охрана подобострастно распахнула дверь — а как же, на «лексусе» ездят солидные люди. Марков разделся и прошел в бар, надо было осмотреться, что изменилось. Да, пожалуй, все изменилось за 40 лет.

Маркову принесли 100 грамм виски, содовую и тарелочку с орешками кешью. Кто-то сзади положил руку на плечо Маркова.

— Ну что, заскучал, старик?

Голос Миши Сушкина.

— Что-то ты сегодня без девушки.

Сушкин, точно, только на 40 лет моложе. Рядом ничему, как всегда, не удивляющийся Юра Айзеншпис.

— Ты бы лучше столик занял, а то стоишь у стенки, ни одного места свободного нет.

— Да ладно вам, — сказал Марков, — вон у Кострова есть как раз три места.

Сережа уже успел их заметить и помахал рукой, дескать, идите сюда.

— Ты чего один сегодня? — подсаживаясь к Кострову, спросил Сушкин.

— Ребята из группы хотели подойти, да позвонил им, похоже, не придут.

— Садись, придут, что-нибудь придумаем.

Костров был в приподнятом настроении.

— Выпить хотите? Я сегодня сессию сдал. Виски есть, купил, хотел с ребятами выпить.

— А какой виски? — спросил Юра Айзеншпис.

— «Белая лошадь»! — с гордостью сказал Костров.

— Ну ничего, сойдет, — сказал Юра, — наливай.

— Нормально, — сказал Сушкин, — закусить что-нибудь надо взять.

— А у меня и это есть, — сказал Костров и достал из портфеля две банки орешков кешью.

— А это откуда? — спросил Марков.

— Из запасов отца, оттуда, из самой Америки, — тоже не без гордости сказал Сережа.

Юра рассмотрел коробочки, прочитал: «Made in USA», открыл их и пересыпал в тарелочку, из которой убрал хлеб.

— Вот так будет лучше, а то сейчас друзья-халявшики налетят, и нам ничего не достанется.

— То-то, — сказал Сушкин, — а пустые коробки Серега уберет в портфель. Закажем еще по яичнице с ветчиной, виски перельем в графинчик.

Взял бутылку, положил в костровский портфель и пошел на кухню. Вернулся быстро, поставил на стол обычный общепитовский графин и две бутылки «Боржоми». Все похоже на коньяк.

— Яичницу сейчас всем принесут. Ну, давай, Марков, разливай за Кострова. Разливаем в рюмки.

А себе виски разбавил «Боржоми».

Сушкин посмотрел на него, пожал плечами — бывает.

— Ну, давай, Серега, за тебя.

На сцене заиграла группа «Москвичи», легкий и хорошего качества «биг-бит».

— А хорошо играют, — сказал Юра Айзеншпис.

Он медленно допил виски, из тарелки взял пригоршню орешков:

— А ничего, вкусно.

Орешки попробовал и Сушкин:

— А действительно ничего, — правда не ясно, о чем он, о группе «Москвичи» или об орешках.

— Старик, ты чего не пьешь? — обратился Сушкин к Маркову. — Холодно ведь — тридцать восемь. Ты вообще как здесь оказался?

— Ехал мимо по Тверской и вдруг решил заехать, здание знакомое, что теперь здесь стало? Я-то ладно, а ты-то откуда? — спросил Марков. — У тебя ведь в Австрии Европейское телевизионное бюро, работает на нескольких ведущих российских каналов.

— А так оно и есть, завтра улетаю в Вену. Здесь, в общем-то, случайно, ехал мимо, думаю, дай заскочу. А то когда теперь

предамся воспоминаниям, вот и сказал водителю, чтобы притормозил.

— Ну что, раз не за рулем, давай выпьем, — сказал Марков. Заказали еще виски и орешков, выпили.

Марков бывал у Сушкина в Вене и в Бюро, и дома, в общем, не терял его из виду. Да и Сушкин тоже знал, чем занимается Марков.

— Ну что, Костров, налей нам еще по чуть-чуть, — сказал Юра Айзеншпис, прожевывая очередную пригоршню орешков.

Музыка хорошая. Действительно, «Москвичи» играли очень прилично и очень похоже на английскую группу «Shadows». Выпили за Кострова. Кто тогда, 40 лет назад, теплым июньским днем 1967 года знал, как все сложится? У Кострова погибнет жена, и он женится на итальянской миллиардерше Граппелли, владелице газет, заводов, пароходов, авиакомпаний и еще много чего.

Юра Айзеншпис 17 лет проведет в местах не столь отдаленных.

Марков — проработает в Министерстве высшего образования 23 года, станет большим начальником, главой фирмы, обслуживающей международные связи Высшей школы. Создаст несколько разнопрофильных фирм, которые позволят жить безбедно.

В шоу-бизнес вернется только один из компании, смакующий шотландские виски с экзотическими в те годы орешками кешью в кафе «Молодежном», Юрий Айзеншпис, и умрет известным продюсером осенью 2005 года.

Кстати, в баре «Казино» Сушкину с Марковым виски принесли в простом графинчике. Марков улыбнулся — ну точно, как в кафе «Молодежном».

Взяли еще орешков кешью, здесь они были очень вкусными, ну точно как когда-то в коробочке Сережи Кострова.

Выпили, причем Марков разбавлял виски содовой, закусывал орешками.

Сушкин, улыбаясь, посмотрел на него:

— Что, так и пьешь эту «бутелягу»?

— Да как-то привык.

— И кто тебя этому научил?

— Да англичане-стажеры, когда приезжали в институт в шестидесятых, виски-то у нас в те годы свободно продавали и в «Елисейском», и в Столешниковом переулке, и стоил он от девяти до двенадцати рублей.

— Да я тогда не очень его любил, — сказал Сушкин, — это уже позже жизнь заставила.

Улыбнулся и посмотрел на часы.

— Ну, старик, рад был нашей встрече. У меня завтра утром самолет, а заехать еще нужно в пару мест.

Достал деньги, хотел расплатиться.

— Да ладно, ты что? — улыбнулся Марков. — Я не бедствую, заплачу.

— Будешь в Вене, заходи, — сказал Сушкин.

* * *

За столом у Кострова уже хорошо выпили. Кто-то подсаживался, кто-то уходил, заняв рубль, а то и два у Юры Айзеншписа, клятвенно обещав вернуть через неделю, во вторник. Разговоры велись все больше теоретические: кто из московских коллективов как играет и когда кто-нибудь из них выйдет на международный уровень.

* * *

В Нигерию по делам один из совладельцев «Граппелли интернэшнл» Сергей Костров прилетал как раз 19 января 2006 года, когда в Москве было -38° , а здесь всего $+43^{\circ}$. Купить что-нибудь выпить в Duty Free аэропорта удалось с трудом, магазин был где-то в закоулках аэропорта, да и то полупустой. Из известных сортов виски только «Белая лошадь». Взял три бутылки и упаковку из 12 баночек американских «кешью натс», прихватил и упаковку содовой, все сложил в пакет. После встречи с президентом страны Олусегуном Обасанджо в сопровождении охраны отправился в дельту Нигера, в городок Варри, где, собственно, и были основные деловые интересы «Граппелли интернэшнл», у которой повстанцы «Движения за освобождение дельты» воровали добываемую нефть.

Сидя в большом и бестолковом гостиничном номере, уже два часа ожидал лидера повстанцев Джомо Габомо — генерала Али, неожиданно дверь номера открылась, и на пороге, крича, появился высокий нигериец. Крича на Кострова, пытался объяснить ему по-английски, что белые разграбляют природные богатства Нигерии. Крича еще минут двадцать, вдруг по-русски сказал:

— Товарищ, давай выпьем.

В ответ услышал тоже по-русски:

— А что, давай выпьем.

— Товарищ, вы разве русский? — ошарашенно спросил Джомо Габомо.

— Русский. И выпить есть чего, — подтвердил Костров.

Генерал Али, он же Джомо Габомо, развалился в кресле. Свои не совсем чистые армейские ботинки водрузил на стол, рядом со стаканами, орешками кешью и бутылкой виски «Белая лошадь». Бутылку взял, посмотрел крышку, печати, сам открыл, понюхал, разлил по стаканам.

— Ну, будем, товарищ!

Костров выпил первым. Генерал Али — за ним.

— Ух, — выдохнул, — настоящая «Лошадь», не яд!

— А зачем мне тебя травить? — спросил Костров.

— А кто вас, белых, разберет? Говорите одно, делаете другое.

Габомо взял бутылку, разлил по стаканам.

— Ну что, между первой и второй перерывчик небольшой! — выпил залпом.

Раскрыл ладонь и высыпал орешки, всю баночку. А затем из не очень чистой ладони отправил все в рот.

— Ты что заканчивал? — спросил Костров.

— МЭИ, — ответил Габомо, он же генерал Али, расплевывая орешки. — А ты, товарищ, где учился?

— В МГИМО, — ответил Костров.

Достал визитную карточку на русском языке и передал Габомо.

— Ну что, товарищ Костров, — прочитал, — выпьем еще, бог трицу любит. Двадцать процентов — и я охраняю твою нефтедобычу здесь, в долине. Ну что, годится? — И протянул Кострову стакан.

— Годится! — сказал Костров, чокаясь. — Десять процентов — и разошлись. Ты что закашлялся, Габомо? Советские выпускники таких подлянок не делают.

— Ради нашей дружбы, восемнадцать процентов, ты мне симпатичен, и чего тут говорить. Допьем бутылку и по рукам?

Разлил по стаканам:

— Ну что?

— А я и не думал, — сказал Костров, — что ты согласишься на десять процентов.

— Да ну тебя. — сказал Габомо. — Пойми, Се-рега, восемнадцать процентов — самый раз.

— Ну ладно, пятнадцать процентов — и разбежались.

Чокнулись.

— Ну что, пятнадцать процентов? — спросил Габомо.

— Если не будешь обманывать, то пятнадцать процентов. Хрен с тобой, — улыбнулся Костров.

— Ну вот и ладно, пятнадцать процентов. Умный ты, Костров. Жаль, что выпить больше нет, — сказал Габомо.

— Почему нет, — ответил Костров.

— А что, есть?

— Посмотри там, в пакете, — сказал Костров.

Габомо позвал кто-то. Охрана впустила длинноногую чернокожую девушку в мини-юбке, в черных чулках и кожаных черных сапогах.

«Это в жару-то?» — мелькнуло у Кострова.

Габомо сказал ей что-то, она принесла пакет, достала бутылку виски. Габомо бесцеремонно рассмотрел содержимое пакета, достал банку орешков, отдал девушке, одну — Кострову, другую взял себе. Достал банки содовой. Открыл одну, выпил, сказал по-русски:

— Виски с содовой — кайф!

* * *

Ночью Кострову снилось разное. Вдруг появился Миша Сушкин с Марковым в кафе «Молодежном», вспомнилось, как играл в группе «Вирази». Потом появилась Эмили, девушка Габомо, она почему-то танцевала голая, но в чулках и черных сапогах.

Где-то ближе к утру захотелось пить. Встал, нашел содовую, выпил. В соседней комнате вместе с Эмили, которая так и не сняла ни чулок, ни сапог, не раздеваясь, спал Габомо в своих не очень чистых ботинках. Услышав шум, приоткрыл левый глаз, увидел Кострова, перевернулся на другой бок и захрапел.

Где-то в 6 утра он со своими людьми ушел, разбудив Кострова. Только и сказал:

— Пятнадцать процентов, не забудь.

Костров пошел к себе, еще часа полтора поспал, а затем поехал в Лагос. Через день уже был в Лондоне.

* * *

Марков в баре «Казино» оставался еще минут пятнадцать. Еще раз посмотрел на стены, оделся, вышел, сел в машину, разбудил задремавшего водителя и поехал домой.

И в машине, и дома его не оставляли воспоминания, в общем, как ни вспоминай, кругом «фальшивые хлопоты», молодые, амбициозные, талантливые, они готовы были что-то изменить на

эстраде. Но и что можно было изменить в стране, в которой слова «буги-вуги», «рок-н-ролл» воспринимались как нечто отрицательное, порицаемое общественным мнением. Сейчас же, когда вроде бы и прошла волна отечественных вокально-инструментальных ансамблей и им на смену пришли другие, готовые перепевать репертуар коллективов, для которых рок-н-ролл был крамолой, а идеалом была массовая вокально-инструментальная культура, — сейчас это стало все называться «попса», и все на эстраде уверены, что «попса» — это то, что нужно, чтобы заработать деньги, а рок-н-ролл народ не воспринимает.

В радио- и телеэфире царство одинаковой попсы, все слилось в единую попсовую песню, а кто ее поет — это уже, кажется, никого не интересует. Мальчик или девочка? Да кто ж их разберет? Думаешь, что это девочка, а это мальчик, да еще очередная Верка Тырдючка.

* * *

8 декабря 2005 года, в день 25-й годовщины убийства Джона Леннона, журналисты одного из московских музыкальных журналов на улицах города, держа в руках фотографию Джона Леннона, провели опрос: «Кто это?» 75 % опрошенных не задумываясь ответили: Гарри Поттер, 10 % не были уверены, вроде бы и не Гарри Поттер. Еще 10 % не знали, кто на снимке, 5 % — без сомнения сказали: «Это Джон Леннон».

В том, что «Beatles» стали величайшей группой в мире, заслуга всех участников ливерпульской четверки. В том же, что они таковой остались и, похоже, останутся навсегда, — заслуга прежде всего Пола Маккартни. Его сольная карьера, уникальная сама по себе, сыграла не последнюю роль в поддержании легенды великих «Beatles». Их осталось двое: Ринго Старр и Пол Маккартни. Сегодня их многие достижения, звания и заслуги, в принципе, не имеют большого значения, кроме одного: каждый из них навсегда останется одним из «Beatles», и они больше всего на свете гордятся именно этим своим званием. Согласитесь, гордиться есть чем, ведь один из «Beatles» — это не так мало в жизни.